

Очерк четвертый

МАЛЕНЬКИЙ СТАЛИН

Вот запись в полевом дневнике, которую я сделал в один из первых дней пребывания в Ошобе. Это история, рассказанная К.Х.:

Глава первая: как Ортык Умурзаков стал председателем сельсовета. Умурзакову к 37 году было около 25—30 лет, он окончил четыре класса и считался учителем; в Ошобе была школа, и он в ней считался вроде директора. Председателем сельсовета в то время был Маматкул Джуманов. Однажды он [Маматкул] направился куда-то (в район? или в область?) на повышение квалификации, а печать председателя временно передал Умурзакову, который собирался жениться на его сестре. Когда Джуманов вернулся в Ошобу, Умурзаков печать ему не вернул и так в 37 году остался председателем сельсовета (да еще и на сестре Джуманова не женился).

Глава вторая: как Умурзаков басмачам помогал да потом их и предал. В 1941 году, как известно, началась война, немцы подошли к Москве. Однажды Умурзаков собрал несколько человек в одном месте (Ак-дуппибулак) между Ошобой и Шайданом и сказал следующее: «Москву немцы взяли, Советского Союза больше нет, Андижан [город в восточной, узбекистанской части Ферганской долины] уже захватили тамошние басмачи, и сюда они придут, поэтому надо тоже вооружиться и делать как в Андижане». Собравшиеся согласились. Старшим был Умурзаков, но он и его родственники (старший брат мамы Тоштемир Нурматов, другие братья мамы и их сыновья — все работали в колхозах бригадирами) остались в Ошобе ждать помощи из Андижана, а 22 человека ушли в горы. Среди этих двадцати двух были: Тошмат (сейчас один из его сыновей — учитель, другой — бухгалтер колхоза), Тургун (работал

сторожем в магазине), Хомит Соибов, Мумин Бозоров, братья Тухтар и Джура Юнусовы. Возглавил эту группу некий Мулла (это имя). У них были одна боевая винтовка (у Муллы) и охотничьи ружья. Умурзаков показал им, у кого взять лошадь, у кого другие вещи, и сказал им, чтобы они ехали через Кызыл-Олма [выселок в верхней части Ошобинского ущелья] в горы, там резали быка и угощались. Сам же Умурзаков решил вдруг отправиться в Шайдан и доложить о басмачах, он сам же и привел милиционеров для поимки басмачей. Тошмат (когда его поймали?) упрекнул Умурзакова, что, мол, сначала он помогал им, а потом их же и предал, но в ответ получил от Умурзакова пулю (был убит). Где-то в ноябре 1941 года всех басмачей схватили, отправили в Ленинабад и там расстреляли.

Глава третья: как Умурзакова разоблачили. Председатель колхоза «НКВД» Давлат Искандаров, двоюродный брат Умурзакова, с чего-то вдруг решил «покатить бочку» на своего родственника. Было это в 1947 году. Умурзаков был «большим» и сильным человеком, у него были друзья не только среди районного, но и среди областного и даже республиканского начальства; он сам назначал председателей колхозов в Ошобе; брал мясо и займы у населения по три раза в год (хотя положено один раз в год), то есть клал себе в карман все; кого хотел, во время войны отправлял в армию, а кого хотел, за взятку (овцами и козами) оставлял дома; кто ему не нравился, того мог взять и пристрелить. Суровый был человек, и всего-то в 35 лет. Искандаров показал, где Умурзаков хранит незаконно свой скот (и скот своих родственников). К.Х. и его приятель составили акты и решили отдать их «госконтролю» (какой-то приезжий из Ташкента?). Умурзаков вызвал к себе своих друзей: секретаря райкома, председателя райисполкома, районного прокурора, районного начальника милиции. Они попытались запугать К.Х. и его приятеля, но не вышло (К.Х. с гордостью вспоминал, как они посылали начальников матом). В конце концов приехали еще люди и были заново составлены акты: обнаружилось у Умурзакова около 600 коз и овец, 52 коровы, 12 лошадей (они все были в горах, паслись в колхозных и частных стадах, и местные пастухи за ними смотрели). Кроме того, Искандаров показал, где Умурзаков и его родственники незаконно использовали землю колхозов для своих целей. Наконец на Умурзакова набрали свидетельские показания (правда, вначале ошобинцы не хотели,

боялись говорить о нем) и посадили на 15 лет (его друзей, районных начальников, выгнали с их постов).

Глава четвертая, заключительная: как Умурзаков вернулся. Где-то после смерти Сталина Умурзаков попал под общую амнистию и вышел на свободу. К.Х. вспоминает, как они встретились, поругались и как он пьяный бегал за Умурзаковым с топором в руке. В это время председателем колхоза был Маджидов, старый приятель Умурзакова, поэтому он назначил Умурзакова своим заместителем. Где-то в 1956—57 году на колхозном собрании ошобинцы потребовали, чтобы Умурзаков ушел. Вот такая история.

Со слов Н.Р. я записал еще одну историю об Ортыке Умурзакове и событиях, связанных с его арестом:

Тоштемир Нурматов был после войны мовуном [*муавин* — заместитель, помощник] (1-м заместителем председателя) в колхозе «Буденный». Один его брат (Хасан) был бригадиром, еще один (Хошим) — бригадиром и зав. фермой, мудиром [*мудир* — заведующий], еще один (Абдахат) — простым колхозником. Вообще в то время всех назначал Умурзаков. Он говорил кому-нибудь: «Ты будешь раисом [*раис* — председатель]», и тот становился председателем колхоза (из района потом только утверждали этого человека — с их стороны они как бы советовались с Умурзаковым, кого назначить раисом). Умурзаков таким образом назначил и Давлат-раиса, и Бободжана Юлдашева, и Согинбая (он был и бригадиром, и председателем колхоза «Социализм») — своего почточ (мужа сестры). Умурзаков и Нурматов всем управляли в Ошобе. Однажды (в 44 году) к ним заехал участковый милиционер Дададжан Саттаров (из Гудаса), который хотел отправить всех, кто не имеет документов (а тогда большинство их не имело), на фронт. Умурзаков и Нурматов ему запретили, а Нурматов даже вроде бы побил его кнутом.

Где-то после войны Давлат-раис и Согинбай поссорились между собой: оба хотели дешево купить один участок в Ошобе. Умурзаков обоим отказал на том основании, что согласие на продажу этого участка должны дать ближайшие соседи того, кто участок продает. Давлат-раис обиделся на Умурзакова и написал на него (в район? в область?) письмо,

в котором обвинял Умурзакова в том, что он имеет много не зарегистрированных нигде овец и коз. Умурзакова и Тоштемира Нурматова в 47 году арестовали и отправили в лагерь. Умурзаков в тюрьме, в свою очередь, стал писать, что Давлат-раис тоже имеет незарегистрированный скот. Где-то в 47—48 году арестовали Искандарова, Бойназар-мудира и других (Бободжан Юлдашев — председатель «Буденного» — в ссоры не вмешивался, поэтому его никто ни в чем не обвинял, но его потом сняли, так как он был неграмотный). И в том, и в другом случае речь шла об овцах и козах, которые принадлежали не Умурзакову и не Искандарову: каждая ошобинская семья имела незарегистрированных овец и коз (допустим, 10 зарегистрированных и 30—40 — нет), и весь этот скот жителей Ошобы в обвинении приписали Умурзакову, а потом — Искандарову. Кстати, когда арестовали Нурматова, его брат Хасан бежал в Узбекистан. И еще одна история: когда взяли Умурзакова, Давлат-раис решил найти печать сельсовета и завладеть ею — он решил, что эта печать находится у Турдали Нуралиева (почто — мужа одной из сестер Умурзакова, простого колхозника), и он якобы подослал людей потребовать печать, а когда тот не дал (сказал: «У меня нету»), они его убили (этому якобы содействовал участковый Дададжан Саттаров). Вообще же после ареста Умурзакова сельсовет вроде бы несколько лет (?) не работал, пока в Ошобу не назначили нового аксакала (из Шайдана) с новой печатью.

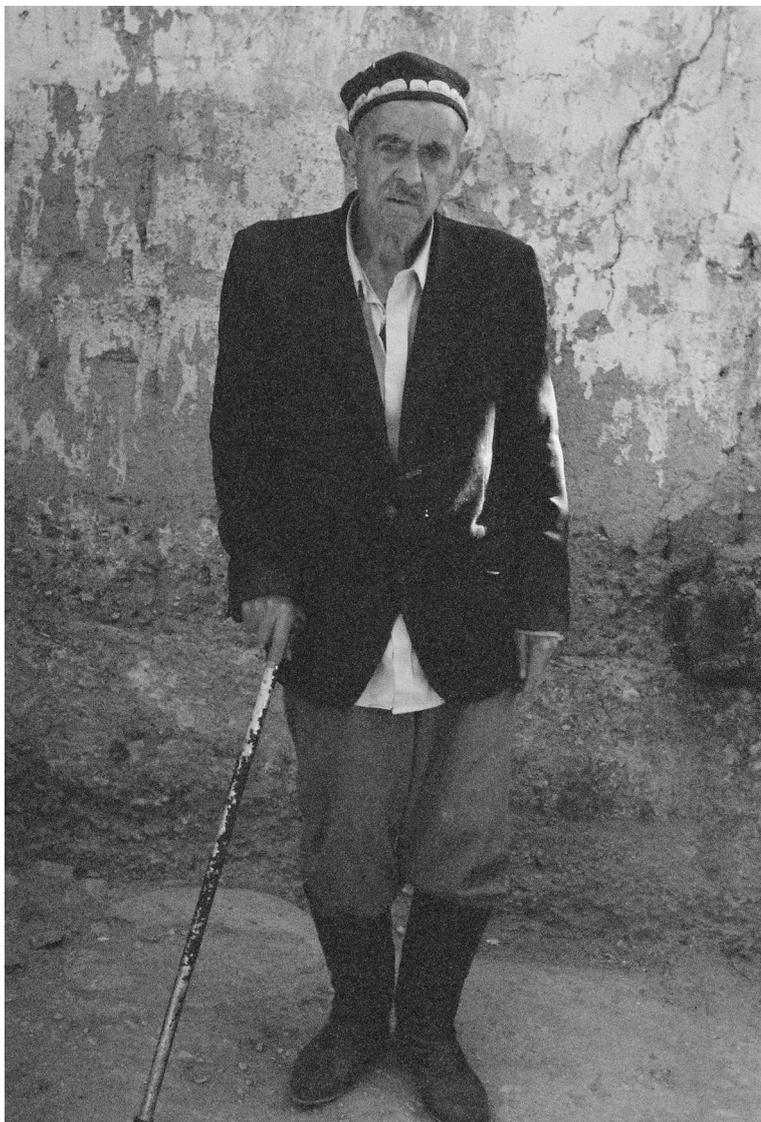
Умурзаков многое сделал для Ошобы: построил хашаром [добровольным коллективным трудом] школу Горького, гидроэлектростанцию, стену вокруг кладбища. Он всегда досрочно сдавал государству займы (был в этом деле передовиком): заранее, до объявления займа, собирал деньги у людей (сам распределял, кто сколько должен дать). Он кое-кому помогал — не отдавал мужчин, если это единственный сын, на фронт (писал, что их нет в кишлаке). Он ловил воров, но всех не сажал: кто бедный — того как-то спасал, а кто настоящий вор — водил по кишлаку и всем показывал как вора (кстати, милиции в Ошобе не было, были «внештатные» активисты или дружинники). Если кто приезжал из района с проверкой и не заходил к Умурзакову, он того из Ошобы выгонял. Говорил: «В Ошобе есть власть, и если приехали, то сначала ко мне зайдите». Однажды был случай: он вызвал к себе Мирзо-юзбаши

(он служил у Рахманкула и за ним был надзор, в кишлаке были агенты НКВД), а тот повел себя грубо и стал ругаться, и Умурзаков выстрелил в него, ранил, но не убил (Умурзакову это поставили в вину лишь на суде, через несколько лет). Во время войны Умурзаков выгнал «в 24 часа» из Ошобы многих учителей (Тошматова, Рузиматова, Мавлонова и других). Тогда люди друг на друга много жаловались и просили учителей писать анонимки. Чтобы это пресечь, Умурзаков их выгнал.

После войны Умурзакова обвинили в том, что у него много скота (Н.Р. сказал, что у него у самого было 22 незаписанных козы в горах, этих коз потом списали на Умурзакова). Его вызвали в Шайдан, на бюро райкома и там внезапно арестовали. Револьвер и печать сельсовета Умурзаков не отдал — их так и не нашли. Когда Умурзаков вернулся из тюрьмы, он работал какое-то время мирабом [*мироб* — лицо, смотрящее за распределением воды в оросительной системе] в колхозе. После ареста Умурзакова кто-то убил его отчима (Мавлона) и поччо — мужа сестры, вроде бы искали у них богатство Умурзакова.

Я слышал много разных историй и мнений об Умурзакове. Но каково же было мое удивление, когда кто-то на улице показал мне на одинокого, сухощавого старика с красными, воспаленными глазами и сказал, что это и есть тот самый Ортык Умурзаков! Конечно, я попытался с ним пообщаться. Умурзаков сначала меня избегал, но потом неожиданно легко согласился поговорить, хотя и был очень осторожен в словах, подбирая их так, словно выступал на собрании или общался со следователем (Илл. 10). Вот выдержки из моей записи этого разговора:

Родился в 1912 году. В 1916 году умер его отец, Умурзак, мать потом вышла замуж за Мавлона Далиева. До 1930 года он жил в доме Тоштемира Нурматова. В 1925 году в Ошобе открылась первая школа («козон-татар-мактаби», то есть казанско-татарская школа), и Умурзаков в ней учился до 30 года. Потом, в 30—31 годах он учился на курсах подготовки учителей в Шайдане. Потом работал учителем в Ошобе. С 33 года (?) работал аксакалом и учителем до 1947 года (до него аксакалом был Джурабай Сохибов). В 31—32 годах участвовал в создании колхоза «Буденный». С 25 года был членом комсомола до 34 года

Илл. 10. Ортык Умурузаков, 1995 г.

(с 25 до 30 года был секретарем ячейки?), потом стал членом ВКП(б). В Ошобе тогда было два-три члена ВКП(б), а в 39—41 годах секретарем ячейки был Хамрали Алиев, родом из Ашта, который работал в Ошобе в заготпункте.

Какие свои заслуги на посту аксакала Умурзаков назвал? Строил в 39 году Большой Ферганский канал (поехал туда, собрав 900 человек ошобинцев) и в 40 году — Северный Ферганский канал (собрал около 800 человек)¹. Создал три колхоза: в 38 году «НКВД» (раис Мамади Одинаев, потом Давлат Искандаров), в 39 году «Социализм» (раис Давлат Бойханов, потом Согинбай Худайбердыев) и «Литвинов» (раис Нозирали Кадыров, потом Юсуп Юлдашев), в 40 году люди из последнего перешли на земли Северного Ферганского канала и создали колхоз «22-я годовщина». Умурзаков уговаривал и заставлял людей идти в колхозы, так как многие не хотели (считали, что еда, которую давал колхоз, — это харом [запретные с точки зрения ислама действия и вещи]). В 40 году сделал электростанцию на воде, мотор помогли достать друзья в Коканде, устанавливал мотор кокандец Ахмедов — включили 3000 лампочек. В 40 году установил радиостанцию (друзья помогли достать). В 39 году построил новое здание школы Горького, возвел стены вокруг кладбища и выровнял площадку в Чинарабаде, в 40 году построил здание правления сельсовета и клуб. В 41—42 годах возглавлял отряд по борьбе с 300 басмачами (во главе стоял Рахим-бобо Кадыров), в отряд Умурзакова входили 10 милиционеров из Шайдана и 30 активистов — бригадиры, райсы. С 52 по 56 год он работал в МТС — завхозом, зав. нефтебазой. С 58 по 61 год работал заготовителем в райпо, а с 61 по 86 год (до выхода на пенсию) — наблюдателем в райводхозе.

Весь набор мнений об Ортыке Умурзакове словно в миниатюре повторяет споры о сталинизме. Одни жители Ошобы, вспоминая о дея-

¹ Большой Ферганский канал (БФК) был построен в августе—сентябре 1939 года силами колхозов Узбекистана и Таджикистана, его протяженность была 270 км, и он оросил 70 тыс. га новой земли на левом берегу Сырдарьи. Северный Ферганский канал (СФК) строился в феврале—марте 1940 года при таком же всеобщем участии колхозников и имел протяженность 165 км (см.: *Аминова Р.Х.* Победа колхозного строя в Узбекистане (1933—1941 гг.). Ташкент: Фан, 1981. С. 193—200).

тельности Умурзакова, называют его преступником, который правил единолично и только в своих интересах. Другие, наоборот, оправдывают бывшего председателя сельского совета, считая, что он сделал для кишлака много хорошего, а его жестокость объясняют условиями времени (Илл. VIII). Как сказал сторонник последних, «Умурзаков был честным человеком и хорошо руководил, очень жестко, но хорошо. Порядок был. Как Сталин руководил». Такое сравнение со Сталиным позволяет, на мой взгляд, взглянуть на природу сталинизма не сверху — с точки зрения того, что планировали и делали советский диктатор и его ближайшие сподвижники, а снизу — оттуда, где было множество своих «маленьких Сталиных»², которые ежедневно в своем локальном пространстве воспроизводили собственную власть. Кто они, эти «маленькие Сталины»? От имени кого они правили и чего хотели? Были ли они теми, кто управлял, или же теми, кем управляли?

Американская ревизионистская школа в оценке сталинизма исходит из тезиса о том, что в Стране Советов государство и общество (в частности, крестьянство) представляли собой не один и тот же, а два отдельных друг от друга, антагонистических мира, между которыми шла постоянная социальная война. Например, американский историк Линн Виола в книге «Крестьянский бунт в эпоху Сталина» пишет о непримиримой борьбе крестьянства с советской властью, о «столкновении двух культур», «внутренней колонизации крестьянства», «гражданской войне между государством и крестьянством, городом и деревней». Коллективизация, по ее мнению, разрушила местную культуру и была попыткой создания в деревне «культурной и экономической колонии»³.

Крестьянство для Виолы не просто социальный класс, но и некая общая культура, поэтому его сопротивление советскому государству — это не только и не столько классовая борьба, сколько своеобразная антиколониальная война за сохранение своей социальной и культурной

² Выражение из книги: *Gregory P. The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*. Cambridge University Press, 2004. P. 21, 269.

³ *Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина. Коллективизация и культура крестьянского сопротивления*. М.: РОССПЭН, Фонд первого президента России Б.Н. Ельцина, 2010. С. 11, 42, 53, 59 (оригинал: *Viola L. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance*. NY; Oxford: Oxford University Press, 1996).

идентичности. «Взгляд через призму сопротивления, — пишет исследовательница, — помогает выделить ключевые характеристики крестьянского общества, его культуры и политики»⁴. *Сопротивление* — это не только бунт, но и любые попытки приспособления, которые опираются на «собственные институты, традиции, ценности, ритуалы, способы выражения и оформления сопротивления». Сопротивление (и приспособление) могло принимать самые разные облики: отходничество, бандитизм, религиозные представления о конце света, разрушение собственности, выступления на митингах, письма с жалобами, убийства, нападения на советских работников, восстания, попытки самораскулачивания и разбазаривания имущества, разные формы террора, самосуда, угрозы, все формы теневой экономики, взятки, нежелание работать в колхозе, нелегальные аренда и покупка земли, воровство и так далее. «Самооборона сплотила его [крестьянство] как культурное сообщество, — пишет Виола. — Общество, обычно пронизанное конфликтами и разделенное по целому ряду признаков, оказалось способным к единству и сплоченным действиям перед лицом кризиса»⁵. Внутри крестьянства тоже шла своя гражданская война, но это была война против деревенского меньшинства, ставшего на сторону государства, она не нарушала единства и целостности крестьянской культуры, а, наоборот, подчеркивала их.

В изложенной концепции весьма проблематичным является, по моему мнению, сведение всех сложных отношений в советском обществе к конфликту двух сторон, иначе говоря, рассмотрение любых действий и представлений исключительно в логике борьбы государства с крестьянством и сопротивления последнего первому. С одной стороны, государство выглядит в этой схеме какой-то самодовлеющей силой — словно оно не состоит из конкретных людей со своими биографиями, личными интересами, со своими противоречиями, которые имеют порой весьма локальный характер. С другой стороны, таким же романтически-эссенциалистским выглядит и крестьянство, которое существует будто бы только для того, чтобы сохранять свои

⁴ Там же. С. 13.

⁵ Там же. С. 13, 14.

неизменные традиции и ценности. Автономная и самодостаточная крестьянская культура — сопротивляющаяся или приспособляющаяся — кажется мне довольно неясной вневременной и внепространственной абстракцией, плохо согласующейся с реальными историческими контекстами.

В данном очерке я попробую проанализировать, из чего слагалась власть местного «маленького Сталина», каковы были ее источники и способы легитимации. Я охарактеризую различные официальные институты и те возможности, которые они предоставляли местным руководителям, исследую также неформальные механизмы, прежде всего родство, которым советские выдвиженцы активно пользовались для укрепления своих позиций. Рассмотрев конфигурацию социальных позиций и соотношение сил в Ошобе в 1930—1940-е годы, я проанализирую конфликт 1947 года; то, как в нем были задействованы разные социальные группы; какие факторы стали в итоге решающими для свержения местного «культы личности». Таким образом, я покажу, что государство и крестьянство находились не по разные стороны баррикад, а были тесно переплетены на локальном уровне, конкретные люди и институты могли иметь сразу несколько функций — и как выразители государственных интересов, и как защитники местных устоев.

Аксакал

В литературе о советском крестьянстве 1930—1940-х годов в качестве ключевой фигуры обычно рассматривается председатель колхоза, который, как считает Ш. Фицпатрик, изучавшая российскую деревню, напоминает «по своему статусу и функциям прежнего сельского старосту»⁶. Однако в случае, о котором я пишу, основной фигурой, представлявшей власть, являлся председатель сельского совета. Именно председатель сельсовета институционально был прямым преемником

⁶ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2001. С. 209 (оригинал: *Fitzpatrick Sh.* Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. Oxford University Press, 1994).

сельского старосты, и его функции, несколько меняясь, оставались в 1920—1940-е годы примерно теми же, сфера его компетенции охватывала всю Ошобу и все выселки этого кишлака, то есть территорию бывшего сельского общества, которым руководил сельский староста. Председателя сельсовета, как и ранее сельского старосту, именовали аксакалом, и эта фигура олицетворяла в глазах местных жителей легитимную власть.

Между прежними сельскими обществами и новыми сельскими советами существовала в начале 1920-х годов еще и переходная форма — сельские революционные комитеты, главным организационным отличием которых было назначение председателя вышестоящим волостным ревкомом. Один из документов 1922 года упоминает в качестве председателя Ошобинского сельревкома некоего Каршибая⁷. В 1923 году в сельском ревкоме Ошобы председателем был Муминбай Абдувахидов⁸, являвшийся, как сказано в архивном документе, середняком и неграмотным, 50 лет от роду, а секретарем — 26-летний Хаит-Мухаммад Абдуразыков⁹. В 1924 году председателем исполкома сельсовета был Мирхолдор, племянник прежнего Одинамат-аксакала¹⁰. В 1925 году, согласно документам из архива Я.А.¹¹, председателем исполкома опять стал Муминбай, а в 1926 году — некто Умар, сын Зулькадыра.

В 1924—1926 годах произошло национальное и административное размежевание региона, в результате которого Аштская и Бабадарханская волости объединились в Аштский район¹², в 1927 году волости были ликвидированы, а район вошел в состав Ходжентского округа Узбекской ССР. Прежние связи с Кокандом и Наманганом (и Чустом) сохранились, но административные органы управления теперь переместились в более отдаленный Ходжент. Бывшее сельское общество Ошоба получило но-

⁷ См. Очерк 2.

⁸ См. Очерки 2 и 3.

⁹ ГАФО РУз, ф. 435, оп. 4, д. 26. Л. 52 об.

¹⁰ См. Очерк 3.

¹¹ См. Очерк 3.

¹² Первоначально планировалось центром района сделать селение Гудас и сам район назвать Гудасским, но в итоге район был назван Аштским, хотя его центром стало селение Шайдан, которое раньше находилось на границе Аштской и Бабадарханской волостей.

вое название — Ошобинский кишлачный совет рабочих, дехканских и красноармейских депутатов, или просто сельский совет, сельсовет (в 1936 году — Ошобинский кишлачный совет депутатов трудящихся).

Во второй половине 1920-х годов на должности председателя сельского совета находился, согласно народной памяти, Одина-аксакал, или Одинамат (Одина-Мухаммад) Оминов, который побывал депутатом «курултая», где выступал Михаил Калинин¹³. После Одинамата, как говорили мне в Ошобе, аксакалом был некто Хомид родом из Ашта (по другой версии — из Гудаса). Ему память приписывает инициативу постройки здания правления сельсовета. После него председателем сельсовета стал Джура Соибов (Сохибов), отец которого был пятидесятником. В действительности аксакалы в 1920-е и первой половине 1930-х годов часто менялись и их имена даже не зафиксировались в памяти ошобинцев. В отчете о проведенной в июне 1929 года проверке работы сельсовета председателем назван Негматджан Ахмедов, а секретарем Махкам Мирзаханов (1910 г.р.) — оба узбеки, грамотные, батраки и члены ЛКСМ. Там же сказано, что прежний председатель — некто Турсунов — переведен на работу в Пангаз, а прежний секретарь, Ашууров, «выбыл на педагогические курсы»¹⁴.

Из акта проверки работы сельсовета за 1929 год мы узнаем, что в Ошобе был 31 депутат (один человек на 100 жителей) — 26 мужчин и 5 женщин, из них 30 были узбеками и 1 таджиком, в том числе 26 батраков, 1 бедняк, 3 середняка и 1 учитель. От выселка Аксинджат, который теперь вернулся в состав сельсовета Ошоба, был уполномоченный Фазилов. При исполкоме существовали три секции — бытовая, налоговая, здравоохранения, но следов их деятельности проверяющие не нашли. Сельсовет выписывал газету «Кызыл Узбекистан», но и она не хранилась надлежащим образом. В кишлаке была одна школа (42 ученика, в том числе 1 девочка), одна потребительская кооперация, ячейки ВКП(б) не было, зато была ячейка ЛКСМ, в которой числился 31 человек (большинство неграмотные, одна женщина). Помещение для сельсо-

¹³ Возможно, речь идет о I съезде Коммунистической партии Узбекистана, который состоялся в 1925 году в Бухаре.

¹⁴ Акты обследования сельских советов Ходжентского округа, 1929 г. // ГАСО РТ, ф. 572, оп. 1, д. 519. Л. 96—97 об.

вета было непригодное, батрачком (батрацкий комитет) бездействовал, почта доставлялась в Ошобу два раза в неделю, делопроизводство велось на узбекском языке, записи рождения и смерти были неправильные¹⁵.

Как я уже сказал, система советского сельского управления напоминала прежнюю систему¹⁶. Председатель сельсовета избирался на общем сходе глав семей на один-два года. Вместе с председателем избирались депутаты сельского совета. Председатель сельского совета получал зарплату, но по своему размеру — 12 руб. — она носила номинальный характер. Основной государственной функцией председателя сельсовета помимо ведения отчетности и выполнения некоторых полицейских обязанностей был сбор налогов. Во второй половине 1920-х годов налоговая система включала сельскохозяйственный налог, водный сбор, самообложение, а также некоторые другие сборы и повинности. Как определялись размеры налога, не очень понятно. Сохранившиеся в архиве результаты выборочного изучения урожайности различных культур говорят о том, что сельскохозяйственный налог не определялся с валового урожая, а устанавливался, как и в прежнее время, путем умножения размеров участка на предполагаемый урожай с единицы площади. Однако при этом советская власть, которая строго придерживалась классового подхода и дифференцированного налогообложения, стремилась реорганизовать систему круговой поруки в систему похозяйственного обложения. Когда произошла эта реорганизация и насколько эффективными были усилия, предпринятые для измерения частных наделов, опять же не очень понятно. Можно лишь предположить, что такое измерение привело к переговорам, согласованиям и конфликтам между жителями Ошобы и властью, попыткам скрыть часть обрабатываемой

¹⁵ Акты обследования сельских советов Ходжентского округа, 1929 г. // ГАСО РТ, ф. 572, оп. 1, д. 519. Л. 96—97 об.

¹⁶ Интересные зарисовки советского управления в Средней Азии в середине 1920-х годов см.: Современный кишлак (аул) Средней Азии (социально-экономический очерк) / Б. Карп, И. Сулов (ред.). Вып. 1. Ниязбекская волость (Ташкентская область, Узбекская ССР). Ташкент: Издание Средне-Азиатского бюро ЦК ВКП(б), 1926, С. 152—168; Вып. 2. Ханкинская волость (Хорезмская область, Узбекская ССР). 1927. С. 125—150; Вып. 3. Китабская волость (Кашка-Дарьинская область, Узбекская ССР). 1927. С. 225—263. Показательно, что в остальных выпусках (их было одиннадцать) разделы о советском и партийном строительстве отсутствовали.

земли, спорам о границах участков и так далее. Все это, впрочем, исчезло из современной памяти ошобинцев.

В 1929 году произошло важное, хотя на первый взгляд и незаметное событие — его никто не вспоминал в разговорах со мной. В этом году Ходжентский округ Узбекской ССР был передан в состав Таджикской ССР, которая получила статус отдельной союзной республики. Ошибка оказалась в составе таджикского государственно-административного образования, столицей которого теперь становится Душанбе¹⁷. Это, безусловно, изменило приоритеты власти и конфигурацию интересов различных групп в разных органах управления. Мы наблюдаем, что с этого момента время от времени на руководящих должностях в Ошобе оказываются выходцы из таджикских селений, что, возможно, говорит о попытках власти Таджикистана держать в поле своего зрения все то, что происходит в кишлаке, жители которого записаны узбеками.

В 1929—1930 годах радикально изменилась также экономическая политика центральной власти, связанная с попытками усилить контроль за поставками зерна. Сначала была введена прогрессивная шкала налогообложения, затем сельским обществам было предложено самим распределять между крестьянами задания по поставкам зерна или другой продукции, наконец в начале 1930 года началась массовая кампания по раскулачиванию, которая включала процедуру определения того, кто является кулаком и на какие категории кулаки делятся, а далее, в зависимости от категории, полную или частичную экспроприацию кулацкого имущества и высылку кулаков и их семей либо за пределы республики, либо за пределы района¹⁸. Для поддержки этой политики в села были направлены тысячи активистов из городов, а в самих деревнях активизировались батрачкомы, состоявшие из советских активистов и бедняков. В начале 1930-х годов в Ошобе батрачком руководил учитель Махкам Мирзаханов, который, как я уже упоминал, выполнял какое-то время роль секретаря сельсовета.

¹⁷ До 1929 года официальной столицей Узбекистана был Самарканд.

¹⁸ См., например: *Hughes J. Stalinism in Russian Province: A Study of Collectivization and Dekulakization in Siberia.* Macmillan Press Ltd; St. Martin's Press, 1996. P. 144—159. См. также: Трагедия среднеазиатского кишлака: коллективизация, раскулачивание, ссылка. 1929—1955 гг. Материалы и документы. Т. 1—3 / Р. Шамсутдинов, Б. Расулов (сост.), Д. Алимова (ред.). Ташкент: Шарк, 2006.

Как осуществлялась процедура и какой была практика раскулачивания, по каким критериям находили жертв в Ошобе, кто попадал в число бедняков, а кто в число кулаков, сейчас сказать трудно¹⁹, мне не встречались ни устные свидетельства такого рода, ни архивные документы²⁰. Эта процедура осложнялась, в частности, тем, что в обществе, где действовали мусульманские нормы наследования равными долями для всех сыновей, концентрация земельной собственности в одних руках была редким и временным явлением — дети вчерашних богачей сами уже переставали быть богачами. Тем более что речь идет о горных районах, где существовало малоземелье и многие зарабатывали разного рода промыслами. Понятие богатства скорее основывалось на обладании скотом и торговых операциях, которые зависели от удачи и множества факторов, что создавало трудности для определения размеров достатка. Все это вносило в процесс выделения кулаков и бедняков элемент субъективности. Списки составлялись на собраниях активистов. Однако высылали не всех, окончательное решение о высылке того или иного человека принималось районным начальством, хотя какие-то местные позиции, проявления недовольства и пожелания при этом учитывались.

По-видимому, если судить по некоторым именам и спискам, первыми кандидатами на ссылку были те, кто занимал какие-либо должности в местной администрации до революции, религиозные деятели, зажиточные люди, в чьем владении было более гектара земли и две коровы, кто имел наемных рабочих или сдавал землю в аренду. Из кишлака были высланы прежние аксакалы, фактически оставшиеся у власти или при власти, — Одина, Каршибай и Муминбай, которых обвинили в числе прочего в том, что они сотрудничали с Рахманкулом. Вслед за ними были изгнаны многие другие влиятельные люди с семьями, всего, как подсчитывали некоторые мои собеседники, до 60 хозяйств. Их родственники, другие известные и зажиточные ошобинцы, опасаясь репрессий, сами покинули Ошобу — кто-то уехал в соседние кишлаки, кто-то переехал в Узбекистан, где о них знали мало и где они не могли

¹⁹ О проблемах классовой категоризации см.: *Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization*. Evanston: Northwestern University Press, 1968. P. 49—78.

²⁰ См. Очерк 5.

стать объектом чьей-то неприязни, зависти или заложниками местных семейных конфликтов.

Все эти чистки, спровоцированные и организованные государством, привели к тому, что прежние отношения, иерархии, баланс сил между различными семьями в кишлаке рухнули. В результате этих перемен значение и функции председателя сельсовета претерпели ряд изменений. Он стал менее зависимым от неформальных иерархий и неформальных лидеров. В ходе раскулачивания он получил новые полномочия и новые рычаги легитимного давления на неудобных ему людей. Через его руки проходили немалые материальные ресурсы — налоги, а также имущество кулаков. Необходимость участия в политической кампании требовала от аксакала усвоения и использования официального языка классовой борьбы и строительства социализма, а значит, и новых знаний, новой тактики поведения. Джура Соибов не выдержал этого испытания и после обвинения в родстве с кулаком вынужден был покинуть должность аксакала. Председателем был назначен Маматкул Джуманов, а после него — в 1935 году — 23-летний Ортык Умурзаков (Илл. 11).

Итак, каковы были властные полномочия Умурзакова?

В 1930-е годы председатель сельсовета должен был избираться раз в один или два года большинством жителей. В течение года регулярно устраивались сессии — собрания депутатов, которые обсуждали разного рода вопросы местной жизни. Формальных привилегий у аксакала было немного. В 1930-е годы он получал установленную государством зарплату, которая составляла 100—200 руб. в месяц (секретарь получал 80—160 руб.)²¹. Это была не слишком большая, но достаточная сумма, делавшая достаток аксакала менее зависимым от местных экономических условий и от колхозов. Возможно, председатель сельсовета имел какие-то скидки по оплате налогов и другие льготы, но в целом формальные преимущества от исполнения данной должности не были очень заметными и сами по себе не являлись ни целью борьбы за власть, ни средством — как это было позже, в 1970—1980-е годы, когда власть разных уровней обладала ощутимыми номенклатурными бонусами.

²¹ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 197. Автор не уточняет, в какие именно годы зарплата имела такие размеры.

Илл. 11. Ортык Умурзаков в середине 1930-х гг.

У сельсовета с 1931 года был свой собственный бюджет (в прошлом председатель готовил сметы в вышестоящие инстанции и получал деньги оттуда), при нем по закону должны были работать ревизионная комиссия, избирательный комитет, общественный суд, различные комиссии сельских депутатов и уполномоченные. Обо всем этом в памяти ошобинцев мало что осталось: видимо, все эти инструменты власти носили формальный характер и в глазах местного населения аксакал просто на время делегировал каким-то людям часть своих полномочий.

Одной из главных обязанностей председателя сельского совета, как в свое время и сельского старосты, был сбор налогов и разного рода

поставок и платежей. В отличие от царских налогов советские налоги 1930—1940-х годов имели несколько особенностей²².

Во-первых, существенно изменилась структура налогов. Помимо собственно налогов (сельскохозяйственный налог, культурный сбор, военный налог, который действовал во время войны, самообложение, водный сбор) и обязательных займов крестьянин должен был осуществлять обязательные поставки продовольствия со своего участка по ценам, установленным государством. Налоги и платежи выражались в денежном эквиваленте, поставки же имели натуральную форму, а их номенклатура и размеры определялись для каждого района специальными расчетами. Если таких продуктов в домашнем хозяйстве не было, они оплачивались либо денежным эквивалентом (по рыночной стоимости), либо другими продуктами. Натуральные поставки были наиболее тяжелым бременем, и от него освобождались только те хозяйства, где не было трудоспособных членов.

Во-вторых, поставки, налоги и платежи собирались с каждого хозяйства отдельно, в зависимости от размеров конкретного участка, наличия скота и других ресурсов, количества членов семьи и так далее. В 1930-е годы сельскохозяйственный налог с колхозников собирался в виде определенной ставки, с единоличников — в виде прогрессивного начисления, в 1940-е годы этот налог для всех категорий крестьян стал прогрессивным. Размеры поставок носили директивный характер и не зависели от урожая. Каждый домохозяин вынужден был документально подтверждать свои доходы и свою хозяйственную деятельность, после чего выплачивал свою собственную норму поставок и налогов. Такой способ обложения делал ненужными какие-либо коллективные формы обсуждения и гибкие практики установления «справедливой» ставки, которые действовали при круговой поруке.

Третья особенность, которую я бы отметил, — это тот факт, что налоговая система представляла собой довольно сложный порядок

²² См.: *Holzman F.D.* Soviet Taxation: The Fiscal and Monetary Problems of a Planned Economy. Cambridge: Harvard University Press, 1962. P. 159—214 (главы 7 и 8 — «Taxation in Kind», «Direct Taxation of the Population and Miscellaneous Sources of Budget Income»); *Попов В.П.* Крестьянские налоги в 40-е годы // Социологические исследования. 1997. № 2. С. 95—114.

обмеров, расчетов и ведения документации, при том что население в своей массе оставалось неграмотным. К тому же порядок исчисления налогов постоянно менялся, были категории, для которых вводились какие-то льготы и исключения, — все это заставляло каждый раз заново приспособляться к правилам ведения налоговых переговоров. С одной стороны, это требовало более детальной фиксации и, значит, большего контроля за тем, что делает каждый крестьянин. С другой стороны, все виды доходов становились предметом формальных и неформальных переговоров. Если в прошлом, заплатив налог, крестьянин мог зарабатывать в меру своих сил и сам выбирал себе сферу занятий и заработка, то теперь он вынужден был любое свое занятие оценивать с точки зрения того, насколько оно будет подконтрольно тем людям, которые отвечают за сбор налогов, и какую долю дохода можно будет утаить или сделать незаметной в результате переговоров со сборщиками налогов, соответственно — какие у крестьянина есть возможности воздействия на этих сборщиков.

Все указанные особенности налоговой системы определяли ту конфигурацию формальных и неформальных полномочий председателя сельсовета, которые — повторяюсь, структурно или потенциально — аккумулировали в его руках большую власть (Илл. IX).

В 1937 году функции сбора налогов были переданы районному руководству (финансовому департаменту). Однако на практике, если верить воспоминаниям ошобинцев, процедура сбора налогов осталась прежней — ответственным был по-прежнему аксакал, который распределял положенные сборы и повинности между колхозами, председатели же колхозов распределяли долю своего колхоза между бригадами, а те, в свою очередь, — между колхозниками. Районные проверяющие или финансовые агенты, которые формально отвечали за налоги, решали все вопросы в присутствии аксакала, с учетом его сведений о конкретном хозяйстве и под его личным надзором.

Требование Умурзакова, выраженное в словах «В Ошобе есть власть, и если приехали, то сначала ко мне зайдите», в принципе носило вполне законный характер и одновременно учитывало все сложные нюансы взаимоотношений между разными уровнями и ветвями управления, не сводившихся к строгому соподчинению, а включавших в себя своеобраз-

ные договоренности и учет самых разнообразных факторов. По мнению одного из моих информаторов, «в районе» Умурзакова немного побаивались, так как он якобы мог при желании поднять не менее пятидесяти ошобинских всадников и захватить районный центр Шайдан, который находится всего в нескольких километрах от Ошобы. В Аштском районе не было регулярных войсковых частей, а милиция вряд ли была бы способна противостоять такому налету. Умурзаков в этой картине был не подчиненным, а самостоятельным игроком, вступающим в договорные отношения с другими игроками на поле власти. Впрочем, скорее всего, это были очень преувеличенные страхи, связанные с памятью о недавнем басмачестве и славой ошобинцев как людей лихих, резких и конфликтных. В действительности, благодаря в том числе такого рода страхам и вниманию к Ошобе, Умурзаков поддерживал весьма доверительные отношения с районным руководством, что было одним из источников его личной власти в Ошобе. В списке районных депутатов, выбранных от сельского совета в 1941 году, фигурировали (помимо самого Умурзакова и Т.Г. Марченко, которая работала в ошобинском медпункте) начальник районного отделения НКВД В.Ф. Гурский, зампред районного исполкома А.Ф. Кечин, районный военный комиссар П.В. Ефимов, секретарь районного комитета КП(б) К. Сатыбалдыев²³. Ни один другой сельсовет Аштского района не мог похвастаться таким списком. Умурзаков имел также много знакомых в Коканде, куда порой надолго уезжал и где проводил различные финансовые операции.

Возвращаясь к налогам: в конце концов, отчитывались районные чиновники собранной суммой налогов, а не подробностями ее получения, поэтому если несоблюдение некоторых формальных процедур компенсировалось выполнением или даже перевыполнением планов, то на эти отклонения закрывали (до поры до времени) глаза. У Умурзакова была репутация «шустрого» руководителя (или исполнителя — в зависимости от точки зрения). Он вовремя собирал все налоги и выполнял планы. Во время войны он сдавал не только то, что было положено, но и сверх того, а такие способности ценились вышестоящими руководителями. Это был его политический капитал, который он предъявил мне во

²³ ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 3, д. 5. Л. 202.

время нашего разговора и который, судя по всему, он предъявлял каждый раз, когда общался с вышестоящими чиновниками. Этот капитал он мог затем конвертировать в социальный — какие-то полезные связи, контакты и взаимные обязательства, а потом и в экономический — личное благосостояние и/или какие-то ресурсы для развития Ошобы.

Роли сборщика налогов и посредника при их сборе, которые выполнял Умурзаков, открывали для него также большие возможности влияния на жителей Ошобы. В условиях относительно замкнутого образа жизни, общей неграмотности, постоянной смены законов и инструкций, а также преобладания натуральной оплаты у аксакала возникали возможность и соблазн самому объявлять положенный состав и размер налогов, завышать их по отношению к тому, что затем реально учитывалось как налоги, и разницу каким-то образом оставлять у себя или расходовать на стороне (чтобы местные жители не могли контролировать эти расходы) — например, в Коканде. Действительно ли Умурзаков пользовался такой возможностью или нет, сказать трудно, но мои собеседники даже спустя полвека были убеждены, что пользовался, потому что это была неизбежная и необходимая функция его власти, его прибыль и его доля. В данном случае такое убеждение и общая практика использования подобного рода структурных возможностей важнее доказательств бескорыстности конкретного чиновника — собственно, по этой причине Умурзаков и сел в тюрьму, то есть если уж кому-то захотелось найти факты вины председателя, то это всегда можно было сделать.

Самому же председателю сельсовета, возможно, было гораздо интереснее и выгоднее не столько обманывать своих соплеменников, сколько через переговоры о налогах «исполнять» власть — устанавливая и переустанавливая меру зависимости от себя тех или иных людей, подтверждать лояльность и создавать группы поддержки. В этой игре, которая давала власти новую энергию, Умурзаков мог не только забирать что-то в свою пользу, но и отдавать и перераспределять между другими, стараться улучшить жизнь ошобинцев. Так, по воспоминаниям, во время Отечественной войны с колхозов собирали «месячник» — деньги, скот и разные продукты. В районе между колхозами была установлена очередь: каждый месяц «месячник» сдавали два-три колхоза (то есть

одно селение)²⁴. Средства от этого дополнительного налога райисполкомом распределялись в помощь тем семьям, в которых кто-то погиб на фронте или не было трудоспособных членов. Один информатор из Шайдана, как раз занимавшийся сбором «месячника», вспоминал, что, когда он приезжал в Ошобу к Умурзакову, тот вызывал к себе председателей ошобинских колхозов и давал им указание выдать сборщику то-то и то-то. При этом мой собеседник риторически спрашивал: ну кто из простых колхозников мог проверить, что и в каком количестве председатели колхозов и председатель сельсовета отдадут в вышестоящие органы или оставляют себе? Возможно, этот «месячник» или какую-то иную, собственную инициативу Умурзакова имел в виду другой мой собеседник, который вспоминал, что часть собранного урожая аксакал забирал из колхозных амбаров к себе в дом и потом распределял между бедняками, при этом отчета он нигде не давал, ведь и так все кругом видели, сколько он взял и кому отдал. Были ли это действительно неофициальные действия самого Умурзакова, или люди воспринимали вполне легальные права аксакала как проявление его личного стремления следить за отправлением справедливости, значения, в общем-то, не имеет. Формальные и неформальные властные отношения переплетались между собой, дополняли друг друга и в повседневной жизни не разделялись, составляя общий ресурс власти.

Еще одной хозяйственной обязанностью Умурзакова была мобилизация людей на разного рода коллективные работы, или, как их называли, хашары (*хашар*). Умурзаков сам перечислил наиболее важные дела: участие в строительстве БФК и СФК, постройка зданий сельсовета, семилетней школы, клуба, постройка стен (*девор, дувол*) вокруг кладбища. Все эти работы производились бесплатно (трудодни за них не начислялись) и считались добровольными. Поэтому важным качеством аксакала было умение убедить людей — аргументами или угрозами — участвовать в таких хашарах. В принципе такого рода принудительные действия — внутри кишлака и за его пределами — были известны еще

²⁴ Возможно, один из таких «месячников» отражен в ведомости вещей, продуктов и скота, которые внесли руководящие лица колхозов «НКВД» и «Буденный» в мае 1945 года в виде помощи бедным семьям (ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 92. Л. 8—10). В список вошли халаты *беқасам* (из шелковой ткани), фрукты, козел и так далее.

со времен Кокандского ханства и считались обязательной и легитимной повинностью, поскольку речь шла об общественно значимых делах²⁵. Советская власть охотно использовала эту старую риторику, вписав ее в коммунистический язык добровольного коллективного труда на пользу всего общества и сохранив тот же принудительный характер этой повинности.

Итак, сельсовет был в первую очередь «организацией, собирающей налоги»²⁶. Однако я бы добавил к перечню функций его председателя еще несколько важных пунктов, которые делали его полновластной фигурой в Ошобе. Аксакал обладал правом на категоризацию населения не только по экономическому признаку²⁷, но и по другим: возраст, трудоспособность или нетрудоспособность, национальность, семейный статус и родственные связи, какие-то профессиональные или социальные характеристики. Принадлежность к этим категориям записывалась в похозяйственную книгу или в паспорта²⁸ и имела значение при распределении ресурсов или каких-то обязанностей: некоторые категории граждан (нетрудоспособные, учителя, участники войны) освобождались от налогов, получали скидки и льготы. Во время войны Умурзаков своей волей решал, кто пойдет на фронт, а кому положены какие-то отсрочки (для этого достаточно было указать другой возраст и другой семейный

²⁵ См., например: *Абдулхамидов А.* Из истории народной ирригационной практики в зоне предгорий Узбекистана в XIX — начале XX в. (историко-этнографическое исследование). Ташкент: Фан, 1981. С. 55—76, 132—155; *Рассудова Р.Я.* Формы организации труда в общинах некоторых районов поливного земледелия Средней Азии (конец XIX — начало XX в.) // *Занятия и быт народов Средней Азии* / Н. Кисляков (отв. ред.). Л.: Наука, 1971. С. 277, 278.

²⁶ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 197.

²⁷ Фицпатрик пишет о способности советской власти приписывать к классам и таким образом воображать и изобретать классы (см.: *Fitzpatrick Sh.* *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia.* Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005, особенно главы 2—4: Р. 29—87). Но в кишлаке эту функцию выполнял именно председатель сельсовета.

²⁸ В конце 1932 года был принят закон о внутренних паспортах. В функции председателя сельсовета входило принятие решения о выдаче паспорта, который давал право на передвижение и работу вне кишлака (см.: *Фицпатрик Ш.* *Сталинские крестьяне.* С. 108—112).

статус). Это давало ему в руки еще один дополнительный рычаг воздействия на односельчан и установления своей власти в Ошобе.

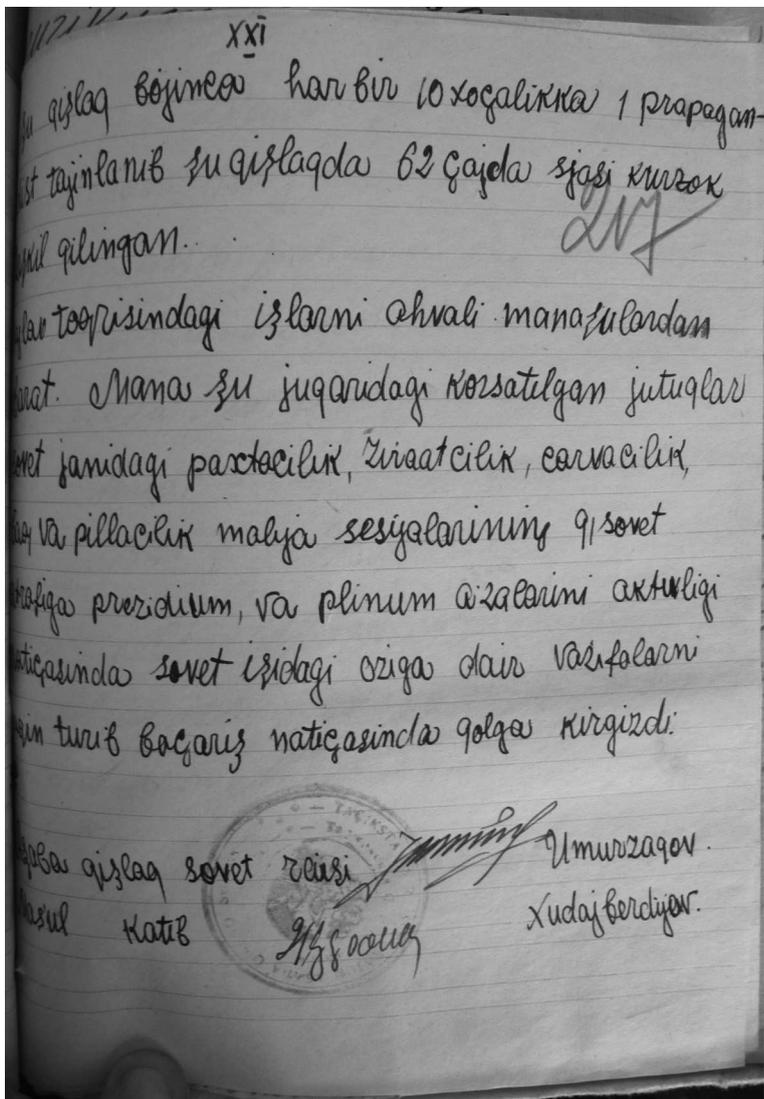
Категоризация была важна также при том репрессивном режиме, который существовал в 1930—1940-е годы. Власть Умурзакова в принципе состояла в том, чтобы приписывать людей к категориям, которые подлежат или не подлежат репрессиям. Так было в 1930-е, когда аксакал вел списки бывших кулаков и басмачей (о чем говорят записи в сохранившейся похозяйственной книге 1935 года), так продолжалось и после войны — в 1947 и 1948 годах (при Умурзакове и его преемниках), когда высылке в Казахстан подверглись несколько ошобинских семей, среди которых были даже семьи колхозных бригадиров²⁹. При этом в руках Умурзакова были и кнут, и пряник — председатель сельсовета имел легитимную возможность принуждать к выполнению государственных решений, но мог и кому-то помочь, кого-то спасти, чего-то как будто не заметить. Приписывающая власть аксакала не приносила немедленных материальных дивидендов, но позволяла ему выстраивать иерархические отношения, наказывать, подчинять и создавать лояльных должников (Илл. 12).

Власть Умурзакова имела видимые, всем понятные символы. Одним из главных атрибутов аксакала была печать. Не случайно в воспоминаниях ошобинцев Умурзаков становится аксакалом, обманом завладев печатью. Напомню и уже приведенный мной рассказ о том, как Давлат Искандаров после ареста Умурзакова постарался найти печать сельсовета и завладеть ею. Кстати, здесь мы видим аналогию с историей конфликта на выборах аксакала в 1892 году, когда также упоминалась печать, которую новоизбранный сельский старшина попытался отнять у своего соперника, чтобы легитимировать собственную власть³⁰. Такого рода знаки сами будто бы наделяли человека властью, поэтому они были предметом вождения и бдительного хранения.

Интересен еще один символ власти Умурзакова, имевший значение исключительно в местном контексте. Дом, где он жил, будучи аксакалом, находился рядом с домом, в котором когда-то жил Рахманкул-курбаши.

²⁹ В 1948 году появился, в частности, указ о высылке «нерадивых» колхозников: *Channon J. Stalin and the Peasantry: Reassessing the Postwar Years, 1945—53 // Politics, Society and Stalinism in the USSR / J. Channon (ed.). McMillan Press; St. Martin Press, 1998. P. 189—192.*

³⁰ См. Очерк 3. Печать как символ власти была важным атрибутом и в эпоху Кокандского ханства.

Илл. 12. Отчет сельсовета, подписанный Умурзаковым

Атрибуты, которыми обладали поверженные герои, не теряли своих особых свойств, поэтому победители пытались завладеть ими, таким образом захватывая, как им казалось, и частицу могущества поверженного противника или предшественника. Это произошло с Рахманкулом, харизму которого в каком-то смысле наследовал его «сосед» Умурзаков. То же самое случилось после ареста Умурзакова, когда его двор выставили на продажу и представители новой власти по кускам приобретали имущество своего противника.

Помимо власти приписывать к определенным категориям и собирать налоги, у Ортыка Умурзакова было также право на вполне легальное насилие. В его подчинении находилось несколько охранников (в местном произношении — асад³¹), все из числа ошобинцев, которые выполняли при необходимости милицейские функции. Двое из них постоянно дежурили внизу, у въезда в кишлак, каждого приезжающего в Ошобу постороннего человека записывали. Еще двое патрулировали кишлак (ночью — трое). Кто-то из них оплачивался из колхозных трудодней, а кто-то получал зарплату из небольшого бюджета сельсовета. У самого Умурзакова было оружие (наган и винтовка), на которое он имел официальное право. В 1920—1930-е годы бандитизм был довольно распространен, в горах по-прежнему прятались некоторые деятели басмаческого движения, только в середине 1930-х был убит один из ближайших помощников Рахманкула — Бува-ходжа. В 1941 году несколько ошобинцев ушли в горы и попытались организовать террор против представителей власти, тогда Умурзакову с активистами и районной милицией удалось быстро с ними справиться. Оружие было весомым подтверждением властных полномочий аксакала. И, как следует из воспоминаний, он пускал его в дело, что, правда, стало позже поводом к обвинению Умурзакова в превышении полномочий.

Местная элита

Активисты

С конца 1920-х годов новые институты управления в Средней Азии, и в Ошобе тоже, формировались из числа активистов, то есть

³¹ Осодмил — общество содействия милиции.

людей, которые первыми увидели в сложившейся политической обстановке определенные преимущества для общества или выгоды для себя и поддержали советскую власть в кишлаке. Среди них, по замечанию Фицпатрик, были бывшие бедняки и батраки, многие из которых имели опыт работы на производстве или службы в Красной армии в период Гражданской войны, вдовы, которым пришлось встать во главе бедных хозяйств, и молодые крестьяне — «горячие почитатели комсомольской организации»³². Все эти фигуры мы находим и в Ошобе. Любопытно, однако, что помимо сугубо классовых признаков многие из таких активистов отличались некоторыми локальными особенностями (Илл. 13).

В областном архиве в Ходженте я нашел сохранившуюся копию протокола общего собрания водопользователей Ошобы от 12 марта 1927 года. Как сказано в этом документе, составленном по всем правилам советского бюрократического искусства, на собрании присутствовали председатель сельсовета А. Алиев, арык-аксакал (то есть районный начальник мирабов) Парда Юсуфов, некие Ахунбабаев и Салиджан Раджаби, а также 317 крестьян. В повестке дня были такие вопросы: 1) о посевной кампании, 2) об организации мелиоративного товарищества³³, 3) выборы поливальщиков-мирабов, 4) текущие дела. В президиум были избраны — Рузикулов, Мирзабаев, Ашур Алиев, Мумин Абдувахидов, Мухаммад Аминов, а в комиссию мирабов — тот же Ашур Алиев, Гоибназар Рахмонов, Мулла Курбан Рахмонбаев и кандидатом Каюм Назарбаев³⁴.

³² *Фицпатрик III*. Сталинские крестьяне. С. 138.

³³ В конце 1920-х годов была предпринята попытка сформировать отдельные мелиоративные товарищества, которые должны были отвечать за общее водопользование и содержание ирригационных сетей. На практике между сельским советом и таким товариществом не было никакого различия.

³⁴ Протокол собрания водопользователей в селении Ашаба, 9—17 марта 1927 г. // ГАСО РТ, ф. 383, оп. 1, д. 25. Л. 53—54. Согласно протоколу, общее число водопользователей составляло 484 (из них присутствовало на собрании — 317), число мирабов — 3 (размер вознаграждения — 150 руб. троим на сезон), посевная площадь — 223,5 дес. В пояснительной записке к сведениям о собраниях по Ашт-Бабадарханскому водному району Кольцов писал: «эти собрания проводили люди, к ним не подготовленные и с ирригацией мало знакомые в смысле отчетности <...> благодаря чему произошел недоучет посевно-поливной [площади]» (Там же. Л. 55).

Илл. 13. Советские активисты в кишлаке

Из документа следует, что аксакалом в Ошобе был некто Ашур Алиев — такого человека мне не называли, но, возможно, речь идет о Джахонали Ашурове или его брате Мумине Ашурове — оба в разное время занимали должности секретаря сельсовета (*хотиб*). В числе участников собрания упоминается бывший аксакал Муминбай. Мухаммад Аминов — это, видимо, Одинамат Оминов, который тоже исполнял должность аксакала в середине 1920-х годов. Один из его младших братьев, Миромин Оминов, воевал на стороне большевиков и состоял в активе, был секретарем комсомольской ячейки в кишлаке, другой — Бобомат — был в войске Рахманкула и позже был репрессирован. Каюм Назарбаев — это, возможно, Каюм-солдат, единственный ошобинец, которого в 1916 году отправили на российско-германский фронт³⁵, а Мулла Курбан — будущий завхоз колхоза «Буденный»³⁶. В число сельских активистов входил местный пролетарий (хлебопек) Гоибназар Рахмонов. Активисты, таким образом, имели разное происхождение и разный опыт взаимодействия с советским государством.

³⁵ См. Очерк 2.

³⁶ См. Очерк 2.

Ш. Фицпатрик упоминает группу отходников и рабочих-крестьян, которые во время Гражданской войны вынуждены были вернуться в деревню, не имея при этом ни инвентаря, ни скота, что порождало конфликты между вновь прибывшими и постоянными жителями. При этом вновь прибывшие имели опыт городской жизни, были более грамотными, они противостояли старшему поколению крестьян и симпатизировали советской власти. Именно им часто приписывался статус бедняков, которые противостоят кулакам в классовой борьбе, хотя реальное соотношение бедных и богатых могло иметь совсем другую конфигурацию³⁷.

Под такое описание в Ошобе в 1920—1940-е годы подпадает одна очень любопытная группа — пекари (*нонвой, новвой*). В семьях хлеб обычно пекли и до сих пор пекут женщины (в больших семьях невестки), для этого в каждом дворе есть своя печь — тандыр (*тандир*). Однако для разного рода праздничных, поминальных и вообще коллективных мероприятий нужны сотни и даже тысячи лепешек. Такую работу делали и делают профессиональные мужчины-пекари, у которых во дворе дома есть несколько своих собственных больших тандыров и которые втроем-вчетвером в течение нескольких суток могут произвести необходимое количество лепешек нескольких сортов. Этой профессии необходимо обучаться, поэтому существует иерархия — мастера (*усто*) и ученики (*шогирд*), которые нередко являются сыновьями или другими родственниками мастера; существуют также ритуалы передачи звания мастера и ритуалы поминовения духовных покровителей ремесла³⁸. Поскольку массовые мероприятия проводятся весь год, эта работа требует постоянной занятости и приносит основной доход семьям пекарей. В прошлом члены таких хозяйств не занимались ни полевым сельским трудом, ни скотоводством. В статистических отчетах они числились, соответственно, безземельными крестьянами, а в большевистской риторике

³⁷ Fitzpatrick Sh. Tear Off the Masks. P. 63, 64 (*Фицпатрик Ш.* Срывайте маски. С. 78, 79).

³⁸ См.: Рисоля сартовских ремесленников: Исследование преданий мусульманских цехов / М. Гаврилов (сост.). Ташкент: [б.и.], 1912; *Абашии С., Буников В.* Среднеазиатский хлеб // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки / С. Арутюнов, Т. Воронина (отв. ред.). М.: Наука, 2004. С. 278—311.

превратились в сельский пролетариат, составляющий по крайней мере предполагаемую социальную опору для советской политики в регионе.

В предреволюционные годы, в годы Первой мировой войны, а затем в период войны с басмачеством, которая шла в Фергане и сильно затронула Ошобу, многие ошобинские пекари со своими семьями легко покидали кишлак, не будучи привязанными к земле или скоту, и переезжали в относительно более спокойный и относительно более сытый Ташкент (возможно, и в другие города), где они могли найти работу по своей специальности, а также подрабатывали поденщиками (*мардикор*) и чернорабочими, то есть превращались в настоящих пролетариев. Какие-то ошобинцы бежали в Ташкент и уже там становились нонвоями. В Ташкенте эти пролетарии приобщались к русскому языку и, главное, к идеологическому дискурсу новой власти, делая это неосознанно, а возможно, понимая те выгоды, которые эти два языка им дают. Немалое значение имел и тот факт, что хлебопеки, находясь в стороне от жизни своего родного кишлака, отрывались от местных отношений и иерархий, не чувствовали себя обязанными строго подчиняться местным правилам и обычаям; к тому же их преимуществом было то обстоятельство, что не всех из них можно было обвинить в сотрудничестве с Рахманкулом. Поэтому неудивительно, что многие из них оказались в числе той социальной прослойки, которая отправилась в Ошобу устанавливать советскую власть³⁹.

Вспоминают, что из Ташкента приехали многие ошобинцы, работавшие там пекарями, — Пирмат, Нурали, Мамаджан, Султанназар (всех их учили Саппар-нонвой и Гоибназар). Они не занимали каких-то важных должностей в сельсовете или колхозах, но составляли социальную опору, которая была необходима новым лидерам Ошобы. Нонвое мы находим и среди родственников Умурзакова: это были Каримберды-нонвой (сын Махмудшоира, брата Гозыбая), Курбанали-нонвой (за ним была замужем сестра Умурзакова — Умринисо), Эргаш Искандаров, который был в числе сторонников, а потом противников аксакала. Я не могу точно сказать,

³⁹ Это касалось не только ошобинцев. В 1923 году председателем Аштского райревкома был некто Гафарбай Саидбаев — 47 лет, узбек, середняк, неграмотный, коммунист; в документах сказано также, что он был пекарем (ГАФО РУз, ф. 435, оп. 4, д. 26. Л. 52 об.).

какую роль играли эти люди в судьбе Умурзакова и в жизни Ошобы, но само наличие такой группы отражает сложность социальной структуры ошобинского сообщества в ту эпоху.

Среди хлебопеков по частоте упоминаний выделяется Султанназар. Он родился в 1901 году, вместе с отцом, Джуманазаром, какое-то время жил в Гудасе, после его смерти остался сиротой. Султанназар был сильным человеком, поэтому его звали богатырем (*полвон*). В молодости он был воином-джигитом (*йигит*) у Рахманкула, потом выучился на пекаря у Нурали-нонвоя и уехал в Коканд, а затем в Ташкент. В 1930-е годы Султанназар вернулся в Ошобу и, видимо, был поначалу в неплохих отношениях с Ортыком Умурзаковым. Семейное предание гласит, что он подарил последнему китайский чайник, об этом узнал Тоштемир Нурматов и стал требовать у Султанназара себе такой же чайник, а когда тот не дал, объявил его кудакон и отнял у него все имущество. После этого семья Султанназара уехала из Ошобы, а сам Султанназар работал пекарем в Аште. Вернулся он в кишлак только после ареста Умурзакова.

Важными инструментами и одновременно знаками власти была принадлежность к Коммунистическому союзу молодежи и Всесоюзной коммунистической партии большевиков — комсомолу и ВКП(б).

О том, как действовали эти институции в кишлаке, мне известно немного. С 1926 года в сельсовете существовала комсомольская группа (ячейка), которая включала четыре-пять членов. Они работали учителями или секретарями сельсовета и составляли актив советской власти. Комсомольцев называли русскими и сторонились их. К середине 1930-х годов несколько человек из числа комсомольцев были приняты в ВКП(б) и образовали партийную ячейку, которая была маленькой — три-четыре человека. При этом именно партийность стала главным условием, необходимым для того, чтобы занять должность председателя сельсовета, а в начале 1950-х годов — председателя колхоза, к этому времени принадлежность к комсомолу стала терять свое прежнее значение.

Собственно говоря, на уровне кишлака не существовало каких-то специальных административных позиций комсомольца и коммуниста, поэтому в рассказах об Умурзакове этот тип принадлежности упоминается редко, скорее как дополнительное приложение к другим должностям. Быть комсомольцем и затем коммунистом означало входить

в число людей, особо близких к вышестоящим органам власти. Ритуалы включения в комсомол и ВКП(б), разного рода символические бонусы и различные наказания, которые были атрибутами такого членства, всевозможные собрания и отчеты в рамках деятельности этих организаций устанавливали дополнительную степень контроля и дополнительный уровень лояльности, что и служило еще одним политическим ресурсом в борьбе за власть или в осуществлении власти.

В Ошобе были также женщины-активистки. Вспоминают двух: одна — Хурмат Оминова, старшая сестра Одинамата Оминова, вторая — Асаль-биби Муминова (1907 г.р.), дочь Муминбай-аксакала. И ту и другую называли аксакалами, хотя, конечно, они этой должности не занимали. В обоих случаях эти прозвища лишь указывали на то, что среди их родственников были аксакалы. Мужем Асаль-биби был Джаркин-мингбаши⁴⁰, один из ближайших сподвижников Рахманкула, расстрелянный большевиками, что не мешало ей быть в активе сельсовета (в одном из документов упоминается, что она дважды избиралась поливальщиком-мирабом⁴¹).

Учителя

Особую группу активистов составляли учителя. В событиях в Ошобе в 1947 году они играли важную, можно сказать, ключевую роль. Сам Ортук Умурзаков был учителем. Согинбай Худайбердыев был директором школы в Ошобе до того, как стать председателем колхоза. Абдуджаббар Искандаров, брат Давлата Искандарова, также был учителем. Учителя стали той социальной силой, с помощью которой Искандарову удалось победить в конфликте с Умурзаковым. Рассмотрим роль учителя подробнее.

Уже не раз упоминаемая мной Фицпатрик в своей книге «Сталинские крестьяне» пишет об учителе как о «жертве произвола» со сто-

⁴⁰ Отцом Джаркина был Эшмат-мингбаши (см. Очерк 3). Сын Джаркина и Асаль в 1940-е годы занимал разные должности в колхозе «НКВД» и даже был его председателем после ареста Искандарова.

⁴¹ ГАСО РТ, ф. 383, оп. 1, д. 121. Л. 56.

роны власти, добавляя, что учителями были в основном женщины, что еще больше ослабляло их положение в патриархальном крестьянском мире. При этом американский историк говорит о «двусмысленном положении» учителя, который, будучи жертвой, в то же время являлся «представителем советской власти»⁴².

В начале 1930-х годов советская власть под знаменем борьбы с неграмотностью постановила существенно расширить сеть школ, особенно в сельской местности, и ускоренно подготовить новую когорту учителей, призванных «на фронт» культурной работы. Число учителей за 1930-е годы возросло по стране почти в четыре раза, большинство новых учителей, как показывают исследования, составляли молодые мужчины с невысоким — начальным или семилетним — образованием, многие из них состояли в комсомоле⁴³. Учителя действительно были «агентами советской власти», они выполняли не только и не столько сугубо педагогические, сколько важные политические функции, будучи активистами, которые принимали непосредственное участие во всех общественно-политических процессах — коллективизации, раскулачивании, антирелигиозной борьбе, пропаганде советского строя и решений власти, переписи и так далее. В этом качестве они сталкивались с отпором и насилием со стороны крестьян. Но учителя были также и оппонентами советских чиновников, которые нередко видели в учителях возможных образованных вожаков и организаторов антисоветского сопротивления. Учителя были под особым наблюдением со стороны чиновников и спецслужб и нередко подвергались репрессиям. В этом и состоит двойственность их позиции. Однако учителей нельзя рассматривать только как часть власти или часть крестьянского мира, противостоящего власти. Они имели собственные интересы — свою профессиональную солидарность и идентичность, иерархию, институ-

⁴² *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 254—257.

⁴³ Общий анализ положения советского учителя в 1930-е годы и его социального портрета см.: *Ewing E.* The Teachers of Stalinism: Policy, Practice, and Power in Soviet Schools of the 1930s. Peter Lang, 2002 (русский перевод: *Юинг Е.* Учителя эпохи сталинизма: Власть, политика и жизнь школы 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011). См. также: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»: Нации и национализм в СССР, 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2011. С. 224—241.

циональную принадлежность. Учителя использовали ресурсы разных структур для достижения своих интересов и защиты собственной корпоративной позиции.

В регионе, который я изучаю, статус учителя имел дополнительные особенности. Здесь существовало традиционное уважение к образованным людям, которое культивировалось в мусульманской культуре. Элементы социального статуса религиозно образованных людей были унаследованы светски образованными учителями — к слову, в 1930—1950-е годы это были преимущественно мужчины. Последних, когда о них говорили или когда к ним обращались, обязательно называли «домулла» (*домулло*), что помимо прямого значения — учитель — имело очевидную связь с исламом и обозначением человека, получившего мусульманское образование, — муллою (*мулло*). На советского учителя распространились и другие прежние формы почитания (например, во время ритуала им могут предложить отдельное, более почетное место) и неформального одаривания. Правда, воспроизводство старых практик получило новый смысл, подарки со временем стали принимать вид взятки за хорошие оценки и аттестаты.

В кишлаке учителя — и мусульманские, и потом советские — всегда, пока основная масса населения была неграмотной, выполняли более широкие функции: помогали заполнять разного рода личные документы, писали и зачитывали письма, разъясняли непонятные термины и правила, консультировали по самым разным вопросам, которые требовали минимальных знаний, недоступных крестьянину. Помимо материального вознаграждения такого рода обязанности давали в руки эксперта большую неформальную власть интерпретировать и оценивать информацию, поскольку ее передача не была нейтральным действием, независимым от мнения и интересов ретранслятора. В раннесоветское время, когда государство пыталось повысить свое влияние на общество и поток разного рода указаний и пропаганды чрезвычайно возрос, позиции учителя значительно укрепились — не случайно комсомольский актив в 1920—1930-е годы и партийный в 1940-е формировался в основном из учителей. Основа власти учителя не была институциональной — он не имел рычагов, чтобы кого-то наказывать или отдавать приказы, он опирался на владение специфическим знанием.

Знание, которым обладали учителя, слагалось из нескольких элементов. После гонений и прямых репрессий в 1920—1930-е годы против мусульманских лидеров советские учителя остались едва ли не единственными носителями элементарных навыков письма, счета, представлений о географии, истории, каких-то технических знаний. К тому же учителя, в отличие от мулл, обладали знанием латиницы, а затем кириллицы, на которую была переведена местная, еще недавно арабографическая письменность (узбекского и таджикского языков). Учителя могли прочесть и написать тексты, что в эпоху «печатного социализма»⁴⁴ становилось важным механизмом формирования идентичности, социального статуса и авторитета. Учителя получили доступ к формированию «воображаемого сообщества» — нации⁴⁵. Наконец, учителя были не просто носителями знания (в том числе и национального), но владели специфическим советским знанием, включающим знакомство с политической системой, политической иерархией, законами, особым советским языком, с помощью которого легитимировались те или иные действия. При этом учителя в той или иной степени владели русским языком, что давало им прямой доступ и к новым источникам информации, и к вышестоящим чиновникам.

Одним из инструментов власти в руках учителей были публичные письма и тайные анонимки, которые они рассылали в разные органы управления и газеты с целью дискредитации тех или иных своих оппонентов. В 1930-е годы расцвела целая индустрия такого рода обращений, которые были не только механизмом выявления каких-то реальных преступлений или сведения счетов, но и своеобразным псевдопубличным пространством самовыражения, в котором советские люди учились говорить советским языком и играть роль советского гражданина⁴⁶.

⁴⁴ См. о «печатном капитализме»: *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2001 (оригинал: *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London: Verso Press, 1983).

⁴⁵ О советской национальной политике «позитивной дискриминации» в 1920—1930-е годы см.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности».

⁴⁶ См. Очерк 3. См. также о роли сельских корреспондентов в формировании фигуры «советского гражданина»: *Калинин И.* Угнетенные должны говорить: массовый призыв

Кроме знания (или культурного капитала) учителя обладали капиталом социальным и экономическим. У них был более широкий круг знакомых, который выходил далеко за пределы Ошобы. Они были более мобильны, учились, жили и работали в других селениях и городах, имели там знакомых, полезные контакты, приобретали жизненный опыт, не характерный для Ошобы. Кроме того, существовала своеобразная профессиональная сеть людей одного статуса, которые могли говорить друг с другом на понятном для них языке, имели одни и те же проблемы и были связаны собственными иерархическими отношениями — учитель, завуч, директор, районо (районный отдел народного образования), облоно (областной отдел), свое министерство.

Учителя имели постоянный государственный заработок⁴⁷, с этой точки зрения они не зависели от колхоза или от председателя сельсовета. Но, конечно, у каждого учителя было свое домохозяйство (а жена, возможно, числилась колхозницей), что вынуждало их вступать в сложные отношения с местной властью по поводу разного рода хозяйственных и налоговых дел. Среди других привилегий учителя было освобождение, например, от сельскохозяйственного налога и, что, пожалуй, особенно важно, освобождение — брoня — от призыва в армию. Наконец, замечу, что это были молодые люди, которые не былиотягощены разного рода социальными обязательствами, стремились самоутвердиться и доказать свои возможности (Илл. 14). Их в силу возраста нельзя было обвинить в сотрудничестве с царизмом или басмачами, а именно эти обвинения играли большую роль в репрессивной риторике 1930—1940-х годов.

Все перечисленные факторы в совокупности выделяли учителей в самостоятельную социальную группу, которая активно участвовала в жизни кишлака. В условиях, когда государственные институты еще не устоялись, когда репрессии и новые практики приводили к высокой

в литературу и формирование советского субъекта, 1920-е — начало 1930-х годов // Там, внутри. Практики внутренней колонизации в культурной истории России / А. Эткин, Д. Уффельманн, И. Кукулин (ред.). М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 587—663.

⁴⁷ По решению центральных властей с 1936 года учителя начальных школ получали от 250 до 330 руб., семилетних — от 270 до 425 руб. ежемесячно, не считая различных надбавок и льгот, что для сельской местности среднеазиатского региона было очень большой суммой (см.: *Ewing E. The Teachers of Stalinism*. P. 88).

Илл. 14. Учителя из Ошобы

мобильности, все названные мной структурные качества давали шанс для накопления ресурсов и конвертации их во властные полномочия и материальные блага. В 1930—1940-е и в начале 1950-х годов учителя были едва ли не главным резервом для формирования местной советской элиты, включая комсомольские и партийные органы, руководство сельскими и районными советами и колхозами.

Первая начальная школа открылась в Ошобе в 1925 году, учителем в ней был выходец из селения Ашт по имени Масодык-эфенди (Мухаммад-Содык)⁴⁸. Эту школу называли «школой казанских татар». Масодык-эфенди работал в кишлаке недолго — один-два года, а потом уехал. После него учителем в течение года был Малла Абдуллаев, который приехал из соседнего кишлака Камыш-курган, его жена была ошобинкой. У него учился в том числе Ортык Умурзаков. Повстанцы, которые еще продолжали скрываться в горах, заставили Абдуллаева

⁴⁸ Эфенди (*афанди*) — турецкое слово для обозначения образованного человека.

уехать. Затем учителем был недолго какой-то человек из Пангаза, потом Екуб Хакимов из Ашта — последнего басмачи хотели убить, но ошобинские старики заступились за него. Первым местным учителем в Ошобе стал упоминавшийся выше Махам Мирзаханов, он начал преподавать в 1928 или 1929 году, его жена Одинаджан тоже работала учительницей.

В 1933 году в Аштском районе, в селении Камыш-курган, где впервые в районе стали сеять хлопок, открылась первая семилетняя школа и при ней — интернат. В 1941 году ошобинская начальная школа была также преобразована в семилетку, а в выселках Шевар и Янги-кишлак (колхоз «22-я годовщина Октября») были образованы еще две начальные школы⁴⁹ (Илл. X). В середине 1940-х в сельсовете было 14 учителей (в том числе два в Шеваре и один в Янги-кишлаке), из них, как свидетельствуют архивы, семь человек были членами ЛКСМ, один был родом из Ленинабада, один из Ашта. Годы рождения учителей — от 1914-го до 1930-го, то есть младшему было всего лишь около 15 лет, а самым старшим оказался 30-летний директор школы, Согинбай Худайбердыев, завучем при котором был 25-летний Исмадиеров⁵⁰. В 1946—1947 годах в Ошобе насчитывалось 19 учителей, в том числе одна русская учительница⁵¹. Еще более десятка выходцев из Ошобы работали учителями в других селениях Аштского района — в Карамазаре, Адрасмане, Кырк-кудуке, Аште, Пангазе.

⁴⁹ Школа в широком смысле слова — это система всеобщего начального, среднего и высшего образования. Начиная с 1940—1950-х годов начальное и среднее (включая среднее специальное, то есть техникумы) образование распространялось на всех, кому было от 7 до 17 лет. Образование получали в самом селении. В 1995 году в сельском совете/джамоате Ошоба (не считая Гудаса) было шесть школ-десятилеток — по две в Ошобе и Оппоне, по одной в Шеваре и Мархамате, одна школа-восьмилетка в Олма и одна начальная школа в Гарвоне. Для получения среднего специального и высшего образования молодые люди должны были каждый день совершать поездки в аштские поселки МТС или Гульшан, в каждом из которых было сельскохозяйственное ПТУ. Всеобщее начальное образование (четыре класса) было введено в 1930 году, семилетнее — в 1939 году, восьмилетнее — в 1958 году, в 1977 году в законах и декларациях советской власти закрепился пункт об обязательном десятилетнем образовании.

⁵⁰ ГАСО РТ, ф. 70, оп. 3, д. 4. Списки учителей школ области. 1942—1948 гг. Л. 65.

⁵¹ Там же. Л. 109, 109 об.

Приведу несколько биографий учителей, чтобы показать динамику их карьеры, соотношение тех структурных или институциональных возможностей, которыми они обладали, и личных данных или обстоятельств для реализации этих возможностей.

Т.К. родился в 1914 году, в 1926 году его отправили в Ташкент к родственникам (которые работали нонвоями), там он пошел в школу и немного научился говорить по-русски. В 1928 году он поступил в техникум в Ленинабаде (Ходженте) и учился на агронома, в 1930 году вернулся в Ошобу и работал учителем до 1933 года. В 1933-м участвовал в организации колхоза «Буденный» и работал там табельщиком. В том же году Т.К. стал работать учителем в только что открывшейся камыш-курганской школе. О второй половине 1930-х мой собеседник вспоминал неохотно. По его словам, в 1941 году он был назначен директором ошобинской семилетки, но, побыв немного в Ошобе, уехал в Карамазар, где его назначили директором местной школы. Мой собеседник не говорил о своей ссоре с Умурзаковым, но вспоминал о последнем с неприязнью. Во время войны Т.К. призвали в армию и он чуть не оказался на фронте (он долго рассказывал, как ругался с каким-то русским начальником из военкомата, который хотел забрать его на фронт), служил в подразделениях, где готовили солдат, вступил в партию, в 1946 году в звании младшего лейтенанта вышел в отставку, в 1946—1948 годах работал заведующим районо. В 1948 году, сразу после снятия с должности и ареста Ортыка Умурзакова, ошобинскую семилетку преобразовали в среднюю школу, а Т.К. был назначен ее директором, одновременно он стал партгором в сельсовете.

Казалось, у Т.К. были все данные, чтобы стать лидером, — хорошее образование, знание русского языка, опыт работы в районных органах власти, офицерское звание и партийность, наконец, близкие родственные связи с Муминбай-аксакалом и Дадаматом Турсуновым⁵². Все начальство предлагало Т.К. стать новым председателем колхоза «Калинин»⁵³. Приехал третий секретарь обкома партии и уговаривал его. Он, в частности, говорил, что начальником быть нетрудно, надо только не делать

⁵² См. Очерк 2.

⁵³ См. Очерк 5.

следующих вещей: не заводить много жен, не проводить пышные туи⁵⁴, не строить себе большие дома. В результате Т.К. согласился (считалось, что его послали на укрепление колхоза в числе «тысячников»), Рузма-тов, другой учитель, стал при нем партгором.

Однако выгодной структурной позиции, наличия управленческого опыта, культурного и социального капитала и просто представившегося шанса оказалось мало, чтобы стать настоящим лидером. Нужны были еще какие-то личные качества, которых не было. Уже в том же году Т.К. сняли с этой должности — впрочем, по его словам, он и сам не хотел работать в колхозе. После этого Т.К. работал директором школы, потом учителем. Уже будучи на пенсии, он стал заведующим ошобинской сберкассой, где работал до 1987 года. Новым же лидером Ошобы после Умурзакова стал другой человек, который не имел для этого, казалось, никаких данных, но сумел личной энергией, жесткостью и харизмой утвердить свое право на лидерство⁵⁵.

К.Х. родился в 1921 году, его отец умер, когда ему было три-четыре года, и мать второй раз вышла замуж, сам он остался жить у бабушки (мамы отца). Когда ему исполнилось 14 лет, умерла бабушка, и спустя какое-то время его отвезли в Камыш-курбан, в интернат, где он пробыл с 1936 по 1940 год. Каждое лето К.Х. приезжал в Ошобу и работал учителем в летней школе-ликбезе, где учились женщины. В 1941 году он окончил педучилище в Канибадаме, а в 1941—1945 годах работал в семилетней школе им. Горького в Ошобе. Потом у него, видимо, произошел конфликт с Умурзаковым, и К.Х. уехал в Адрасман. В 1947 году он был одним из самых активных преследователей Умурзакова, в том же году вернулся в Ошобу и стал работать учителем, в 1953 году заочно окончил Ленинабадский пединститут. По словам самого К.Х., в 1950-е он был «могущественным» человеком в кишлаке и от его слова многое зависело.

Т.Т. родился в 1914 году, подростком какое-то время пас скот, а в 1931—1932 годах учился в ошобинской школе, в 1933 году продолжил обучение в Канибадаме, тогда же вступил в комсомол, затем

⁵⁴ См. Очерк 7.

⁵⁵ См. Очерк 5.

стал учителем в Шеваре (пять дней в неделю работал учителем, а два дня — в выходные — сам ездил в Шайдан на учебу). В 1936—1940 годах заочно учился в Канибадамском педучилище и работал учителем в Аксинджате, в 1941—1943 годах был директором школы в селении Кырк-кудук, в 1943—1945-м — завучем в школе в Дахане (директором этой школы был тогда Мирзаханов), в 1945—1947 годах Т.Т. был директором школы в Карамазаре. О каких-либо конфликтах с Умурзаковым он мне не рассказывал, но по его биографии видно, что работал он все время за пределами Ошобы. После снятия Умурзакова Т.Т. сразу же возвратился в родной кишлак и в 1948—1953 годах работал завучем в школе им. Горького. В 1953 году, после снятия Т.К. с поста председателя колхоза «Калинин», райком направил Т.Т. на должность парторга в колхоз, тогда его председателем был Юсуп Юлдашев. В 1955 году Т.Т. опять вернулся в школу, а в 1967—1974 годах был завучем и учителем в школе в выселке Олма.

А.И. родился, по документам, в 1923 году, окончил в Ошобе начальную школу, потом учился в селении Ашт в средней школе, в самом конце 1930-х или начале 1940-х годов стал учителем и заведующим начальной школой в выселке Шевар. Во время войны последнюю закрыли, а А.И. был назначен директором школы в селении Кырк-кудук. В 1949 или 1950 году, вскоре после снятия Умурзакова, он стал председателем ошобинского сельсовета и работал на этой должности почти десять лет, одновременно был директором школы им. Горького и затем другой ошобинской школы — им. Шевченко, заочно учился в пединституте в Ленинабаде. На какое-то время А.И. был назначен парторгом в колхоз «Калинин», а позднее занял должность заведующего районо.

Председатели колхозов

Если вначале Умурзаков опирался в становлении своей власти на учителей и активистов, то очень скоро основной его опорой стали колхозные чиновники, среди которых главную роль играли, конечно, председатели колхозов. Причем если председатель сельсовета воспринимался в Ошобе как представитель государства, то председатель колхоза

в 1930—1940-е годы был скорее представителем крестьянского мира⁵⁶. Во всяком случае, местная его оценка исходила из того факта, что он «был глубоко встроен в исключительно локальную политику с локальными интересами»⁵⁷.

Первая артель в Аштском районе была создана еще в 1923 или 1924 году в селении Верхний Ашт. В ней состояло 15 прежде безземельных хозяйств, которые получили в свое распоряжение восемь земельных участков общим размером 50 танапов, до этого принадлежавших, как утверждает справка райземотдела, курбаши Рахманкулу⁵⁸. Спустя пять лет советские чиновники пытались выяснить, продолжает ли артель существовать и какую помощь ей следует оказать.

В 1931 году, в самый разгар коллективизации в РСФСР, в Аштском районе было всего четыре колхоза. В 1933 году в Ошобу приехал сотрудник райзо (районный земельный отдел) — некто Элкундиев, который сам был родом из Камыш-кургана и уже имел опыт организации колхоза в Кырк-кудуке. Он собрал на главной площади ошобинцев и предложил им организовать совместное хозяйство. Как вспоминают, из толпы вышел старик Каюм-солдат и обругал его матерными словами, сказав, что в селении Кырк-кудук создали колхоз и после этого все там стали бедными. Элкундиев уехал ни с чем.

После этой неудачной попытки в районный комитет комсомола вызвали ошобинских комсомольцев и дали им задание организовать колхоз⁵⁹. Комсомольцы и несколько нонвоев взяли участок земли около Ошоба-сая и участок в Кызыл-Олма, сказав их хозяевам: «Хотите — вступайте в колхоз, не хотите — уходите с земли» (земля была хорошая, а ее хозяевам взамен дали другую землю). Так возник колхоз «Буденный», в котором поначалу числилось всего 25 человек и имелись пять-шесть ишаков и один вол, чтобы пахать землю. Колхозники рабо-

⁵⁶ О двойственном характере этой должности см.: *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. С. 208—221; *Obr N.* Collective Farms and Russian Peasant Society, 1933—1937: The Stabilization of the Kolkhoz Order. PhD dissertation. Stanford University, 1990. P. 182—272.

⁵⁷ *Obr N.* Collective Farms and Russian Peasant Society. P. 51—272, 407, 409, 410.

⁵⁸ См.: ГАСО РТ, ф. 51, оп. 1, д. 183. [Б.л.].

⁵⁹ О коммунистах и комсомольцах в годы коллективизации см.: *Obr N.* Collective Farms and Russian Peasant Society. P. 278—281.

тали и складывали урожай в общий амбар, а потом каждый работавший забирал свою долю урожая в соответствии с наработанными им трудоднями — государству в первый год своего существования колхоз ничего не отдавал. Согласно отчетам, в 1935 году в «Буденном» состояло уже 70 хозяйств (374 человека), имелось 47,75 га зерновых полевых и 10 га богарных земель, в следующем году к ним прибавилось 6 га хлопка⁶⁰. По воспоминаниям Т.К., тогда ошобинцы неохотно принимали колхозы, ему самому какое-то время даже пришлось скрывать от своего отца, что он колхозник, и тот не знал, где он и что делает.

Первым председателем «Буденного» был Козибай Гоибов (1900 г.р.), он был неграмотным, но крепким, совсем не бедным крестьянином. Бухгалтером стал Джахонали Ашуров⁶¹, о котором я говорил выше. Несмотря на обвинения в растратах и близости к Рахманкулу⁶², Гоибову удалось проработать на этой должности несколько лет, но он, как говорят противники Умурзакова, поссорился с последним и во время войны переселился в Пангаз. В качестве причины ссоры называют требование Умурзакова, чтобы Гоибов продал ему свой участок в Ошобе, на которое тот ответил отказом. По мнению же сторонников Умурзакова, Гоибов с ним не ссорился, а в Пангаз ушел потому, что у него было много скота и он хотел его сохранить. Один же из братьев Козибая — Соатилло — остался в Ошобе и даже работал в одном из колхозов бригадиром. После Гоибова председателем в «Буденном» стал Тоштемир Нурматов, потом Ниезмат Алматов и, наконец, Бободжан Юлдашев (1905 г.р.).

Колхоз «НКВД» возник, видимо, также в 1933 или 1934 году. Мнения о том, кто были председателями, разошлись: называли Мамади Одинаева (сына аксакала Одинамата Исаматова⁶³), Кашамшама Ашурматова, Рахимберды Баннопова, Кадырова (этот житель Пунука, будучи милиционером, воевал против Рахманкула-курбаши, а потом женился на ошобинке и остался жить в Ошобе), Кадыра Искандарова, Абдуллу Назарова (его сестра Угылхон была одной из жен Умурзакова), Джахонали Ашурова, Турдимата Пирматова. Возможно, все они действительно

⁶⁰ См.: ФГАСО РТ, ф. 124, оп. 1, д. 462. [Б.л.].

⁶¹ Кстати, он был муллой, то есть имел религиозное образование, но религиозной практикой (*муллочилик*) не занимался.

⁶² См. Очерк 2.

⁶³ См. Очерк 3.

успели побывать председателями, поскольку люди на этой должности менялись часто — кто-то был райсом три, кто-то шесть месяцев, а возможно, некоторые мои пожилые собеседники приписали к числу райсов других местных начальников.

Оба колхоза — «Буденный» и «НКВД» — находились в самой Ошобе. Их правления были в центре кишлака, недалеко друг от друга. Одни вспоминали, что их земли располагались чересполосно вокруг Ошобы, другие — что по правой стороне Ошоба-сая находились земли колхоза «НКВД», а по левой — колхоза «Буденный». «Буденный» был крупнее, его земли поливались пять-шесть дней, тогда как земли «НКВД» — два-три дня, впрочем, судя по колхозным отчетам, разница была не такой уж большой⁶⁴.

Третий колхоз — «Социализм» — возник примерно в 1935 году в выселке Гарвон, в самой верхней части Ошоба-сая. Первым председателем стал Давлат Бойханов, после него — Согинбай Худайбердыев. Этот колхоз, несмотря на свои маленькие размеры, играл существенную роль, так как находился в глубоком горном ущелье и располагал землями, которые было трудно контролировать и учитывать, они не представляли интереса для вышестоящей власти, поэтому местная ошобинская власть могла использовать их по своему усмотрению.

В том же 1935 году возник четвертый ошобинский колхоз «Литвинов» (позднее его переименовали в колхоз им. 22-й годовщины Великой Октябрьской революции, далее — «22-я годовщина»), который располагался на землях выселка Аксинджат. Его первым председателем был Нозирали Кадыров, потом стал Юсуп Юлдашев (1912 г.р.). Последний принадлежал к числу потомков Исламбая, который владел большей частью аксинджатских земель⁶⁵. В 1939 году в Аштский район был проведен Северный Ферганский канал, который позволил оросить участок земли в степной части. Часть жителей Аксинджата и Ошобы была переселена туда, вслед за ней переместился и колхоз «22-я годовщина»⁶⁶.

Каждый председатель колхоза избирался на общем собрании колхозников большинством в две трети голосов и сроком на два года.

⁶⁴ См. Очерк 5.

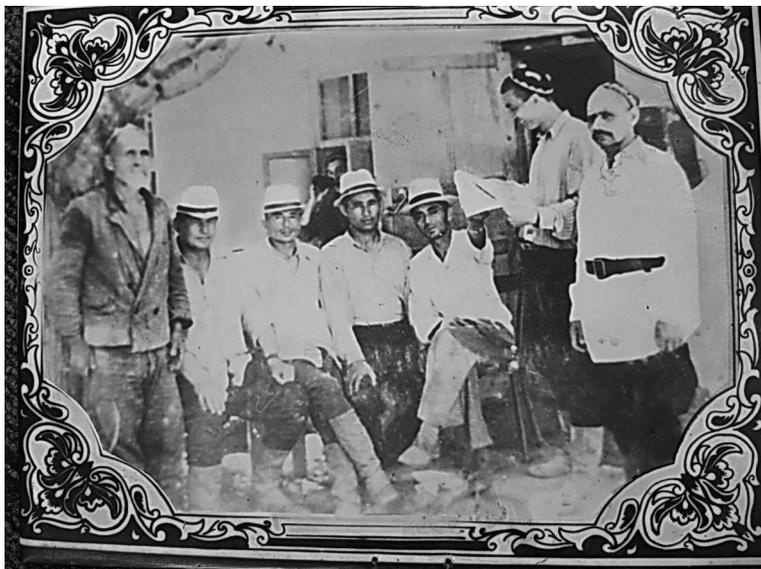
⁶⁵ См. Очерк 3.

⁶⁶ См. Очерк 5.

Сама по себе эта коллективистская процедура создавала возможности для конкуренции различных претендентов и борьбы фракций за своего кандидата, а также для публичной критики председателя, апелляции к председателю сельсовета или районным начальникам, которые должны были присутствовать на собрании, или даже для выражения общего отказа в доверии раису. Однако конкретных примеров таких действий мне никто не приводил. По мнению ошобинцев, председателей назначал Ортык Умурзаков по своей собственной воле, а районное начальство, с которым аксакал поддерживал хорошие отношения, лишь утверждало эти назначения. Такой практике мои собеседники противопоставляли новую практику, которая сложилась после ареста Умурзакова и появления «на следующий день» в колхозе многочисленных его противников, в первую очередь учителей. Они принесли с собой «демократию», в кишлаке стали проводиться собрания и обсуждаться различные темы, возникла специфическая советская форма публичной жизни (Илл. 15).

Официальные заработки председателя колхоза, как и всех колхозников, рассчитывались по системе трудодней. Каждому члену коллектива за тот или иной вид работы начислялись условные единицы — трудодни (*меҳнат*). Количество таких единиц на тот или иной вид работ в колхозе было установлено общим ценником, у председателя колхоза была самая высокая норма трудодней — и по числу дней, проведенных на работе, и по оценке его труда в этих самых единицах. Впрочем, реальное наполнение продуктами и деньгами одного трудодня определялось по итогам работы всего колхоза за год. Раис получал в результате сравнительно более высокие доходы, но при этом его возможности заниматься своим частным хозяйством — приусадебным участком, скотом, какими-то промыслами — были существенно ограничены, поэтому для хорошего хозяина, предприимчивого и зажиточного, официальная зарплата председателя колхоза сама по себе вряд ли могла быть привлекательным экономическим стимулом.

У председателя колхоза были другие бонусы, которые могли представлять интерес. В частности, все колхозное имущество и вся произведенная продукция находились в его распоряжении. Раис имел право продавать имущество и излишки урожая, а также покупать для колхоза необходимые вещи, что открывало большие возможности для манипуляций ценами — реальными и теми, которые заносились в отчеты.

Илл. 15. Ошобинская власть в середине 1950-х гг.
(на фото: Султанназар-нонвой, Мамаджан Кашамшамов,
Иманназар Ходжаназаров, Рузматов, Тоштемир Комилов,
Абдубанноб Исмадиев, Азим Юлдашев)

Кроме того, раис мог не отражать часть имущества и урожая в отчетах, и тогда она оказывалась в его фактической собственности, которой он распоряжался полностью по своему усмотрению. Разумеется, это были незаконные и весьма рискованные операции, поэтому от раиса требовалось умение выстраивать взаимовыгодные отношения в кишлаке и за его пределами со всеми теми, кто мог обеспечить прикрытие таких операций. Какую-то долю неучтенного имущества и продукции раис оставлял в фактическом пользовании рядовых колхозников, какую-то мог передавать в распоряжение бригадиров, заведующих фермами, завхоза и других колхозных чиновников, какие-то операции он мог проводить при участии жителей других селений и районного начальства. Все это обуславливало взаимные обязательства и взаимную лояльность.

Споры вокруг трудодней были одним из механизмов, благодаря которым председатель колхоза мог влиять на своих подчиненных. Рас-

пределение работ и начисление трудодней позволяли раису заключать договоренности с теми или иными жителями Ошобы, устанавливать своего рода патрон-клиентские связи, иметь любимчиков и изгоев, первым помогать, а на вторых оказывать давление. В принципе, по мнению многих, председатель колхоза, бригадир и табельщик (который иногда заменял бригадира) могли приписать любому колхознику лишние трудодни. При этом большинство жителей были неграмотны и не знали точно, что им записывает табельщик, поэтому все старались вести собственную бухгалтерию, следили и узнавали, сколько трудодней получил сосед или сослуживец, и из-за этого было много скандалов. Председатель колхоза находился в непростом положении, поскольку должен был отвечать многим и очень разным ожиданиям и интересам. Игнорирование интересов тех или иных колхозников могло быть лишь строго дозированным, так как, превысив некую меру, раис сам оказывался под ударом.

Конфликт с вышестоящими органами власти также грозил ему неприятностями, так как председатель колхоза был слабой фигурой, не имеющей легальных средств защиты. По-видимому, главным для раиса должно было быть умение правильно расставить акценты в отношениях, скрыть какую-то информацию, соблюсти определенные границы дозволенного, наладить рычаги воздействия на людей. Далеко не всем это было под силу, тем более что правила игры и ожидания все время менялись.

В 1930-е многие новоизбранные раисы недолго оставались на своей должности и перемещались на роль заместителя, бригадира или даже простого колхозника⁶⁷. Впрочем, примерно с конца 1930-х годов председатели колхозов «НКВД» и «Буденный» — Давлат Искандаров и Бободжан Юлдашев — сохраняли свои должности почти на протяжении десятилетия. В данном случае стабилизировали ситуацию, надо полагать, их тесный тандем с председателем сельсовета и более широкая сеть родственных и дружеских связей, о чем я скажу далее. Как только эта сеть была разрушена конфликтом 1947 года между Умурзаковым и Искандаровым, неопределенная ситуация вернулась вновь, многие руководители подверглись гонениям, возобновилась частая смена колхозного руководства.

⁶⁷ См. также: *Обр. N. Collective Farms and Russian Peasant Society*. P. 203, 204.

В иерархии разных должностей в Ошобе председатель сельского совета имел в 1930—1940-е годы, безусловно, более высокий статус по сравнению с председателями колхозов, отчасти потому, что обладал большим набором формальных инструментов воздействия, отчасти — в силу личных авторитарных качеств Умурзакова, его умения договариваться и находить себе союзников в вышестоящих инстанциях. Председатели колхозов были, как правило, неграмотными, беспартийными и, по-видимому, не знали русского языка. Поэтому они находились в большой зависимости от аксакала, который был для них связующим звеном с вышестоящими органами власти.

Со временем, однако, государство стало смещать свои акценты с сельсовета на колхозы, первые постепенно лишались тех или иных полномочий, вторые, напротив, их получали. Эта двойственная ситуация сохранялась в 1940-е годы и дала о себе знать в конфликте 1947 года, когда именно подчиненные Умурзакову председатели колхозов стали в итоге той силой, которая и обеспечила падение его личной власти.

Семейные связи и родство

Итак, события 1947 года в Ошобе — это столкновение целого ряда акторов, которые опирались на позиции и ресурсы, предоставленные им советской властью. Все противоборствующие силы апеллировали к советским правилам и требовали их соблюдения. При этом любопытно, что сами ошобинцы иначе излагали мне (и себе?) внутреннюю логику тех событий, вписывая их в локальный контекст и отсылая к композиции местных взаимосвязей, известных и понятных только самим ошобинцам. Одним из важных аргументов, объясняющих, с точки зрения большинства рассказчиков, поведение Умурзакова и всех других действующих лиц этой истории, было родство.

В действительности язык родства — сам по себе довольно противоречивый и неоднозначный — порой сильно зависит от экономических и политических отношений. Часто трудно понять, какую роль играет родство на самом деле: люди вспоминают о нем тогда, когда нужно объяснить, почему тот или иной человек делает то-то и то-то. Но это

не означает, что именно родство является настоящей причиной тех или иных поступков.

При численности ошобинского сообщества на период, о котором идет речь, в три-четыре тысячи человек и при наличии традиции заключать браки преимущественно внутри него все жители Ошобы оказывались родственниками. Со временем одни родственные связи забывались, но возникали другие, поэтому процесс установления родственных связей продолжался постоянно. Следовательно, вопрос о родстве — это вопрос не реконструкции генеалогии, а практического родства, то есть того родства, которое люди почему-либо помнят и на которое ссылаются в своей повседневной жизни. В зависимости от конкретных обстоятельств в понятие родства приносились (и приносятся) разные оттенки — эмоциональная близость, социальная иерархия и авторитет, ритуальные обязательства, важные символы престижа и так далее. Восприятие родственных отношений имело (и имеет сегодня) непосредственную связь с распределением в данный момент материальных и культурных ресурсов. Когда менялась конфигурация этого пространства, то менялись и необходимая человеку родственная сеть, и его представления о родственной близости. Человек мог рвать родство или, наоборот, устанавливать новые родственные связи, мог (и может) требовать от родственников поддержки для себя и одновременно обвинять других в том, что они пользуются такой поддержкой. Человек мог даже выдумывать несуществующие или забытые родственные отношения, объясняя то или иное событие. «Двусмысленная генеалогическая связь, — писал социолог Пьер Бурдьё, — всегда дает возможность приблизить самого отдаленного родственника или приблизиться к нему, делая акцент на том, что их объединяет, либо держать на расстоянии самого близкого родственника, выставляя напоказ то, что их разъединяет»⁶⁸.

Родственные отношения, имея свои нормативные модели, тем не менее на практике использовались с разными целями и в разной конфигурации. Кэролайн Хамфри, исследуя роль родственных связей в бурятском колхозе «Карл Маркс», различала несколько стратегий:

⁶⁸ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.; М.: Алестейя; Институт экспериментальной социологии, 2001. С. 334.

практическое родство, которое было важно для взаимной помощи в повседневном выживании; политическое родство, которое использовалось местными чиновниками для усиления своих позиций; общие представления о родственно-племенной структуре, которые были важны для этнической идентичности⁶⁹. Хамфри отмечает переплетение родственных отношений с колхозными экономикой и политикой, что ведет даже к изменению в родственной практике — прежние патрилинейные связи дополняются билатеральными, родством через браки и приемных детей. Нечто похожее было и в Ошобе.

Родство в местном сообществе имеет несколько способов измерения. Главным считается родство по мужской линии — к отцу, деду (отцу отца) и прадеду (отцу деда). Предполагается, что каждый человек должен знать семь поколений своих предков по мужской линии, но такие знания не имеют какого-нибудь практического значения, поэтому большинство знают прадеда и реже прапрадеда. Если предок был чем-либо знаменит, его имя помнят, оно превращается в символический капитал, который бережно сохраняют и предъявляют при любом удобном случае. Братья отца, деда или прадеда (называемые *амаки*) и их потомки (*амакивачча*) включаются в генеалогические схемы памяти. Тетка по отцу или деду (*амма*) также относится к близкому семейному кругу, но ее дети (*аммавачча*) уже числятся отдельно. Иногда общий предок забывается, но память о наличии родственной связи по отцовской линии остается.

Родство по мужской линии имеет две важные практические функции, которые неизменно присутствуют в жизни любого человека и, соответственно, делают это родство значимым и необходимым. Во-первых, это вопрос наследования: согласно обычаю собственность наследуется по отцовской линии⁷⁰. Во-вторых, этот вид родства является ритуальным, то есть все семейные обряды, в том числе самые крупные — махалля-туй и похоронно-поминальные обряды⁷¹, — проводятся группой родствен-

⁶⁹ *Humphrey C. Marx Went Away — But Karl Stayed Behind. Updated Edition of Karl Marx Collective: Economy, Society and Religion in a Siberian Collective Farm. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1998. P. 298, 336—352.*

⁷⁰ По мусульманским законам женщина имеет право на долю отцовского наследства, но это правило чаще всего обходится под каким-нибудь предлогом и дочери достается только приданое.

⁷¹ См. Очерки 7 и 8.

ников по отцу: родные братья, амаки и амакивачча являются не гостями, а организаторами ритуала, принимающими гостей.

Родство по материнской линии воспринимается как менее формальное. На ритуалах родственники со стороны матери или бабушки — их братья (*тога*) или сестры (*хола*), а также их дети (*тогавачча*, *холавачча*, или, в местном варианте, *була*) считаются близкими, но все равно гостями, которые приходят со стороны. Они имеют определенные обязательства, регламентированные, однако, не так строго, как в случае родственников по отцовской линии. Обычно с ними не бывает никаких взаимных претензий на собственность и взаимных тяжб. Особую эмоциональную окраску отношениям с родственниками по материнской линии часто придает тот факт, что в семье мать держится ближе к детям, чем отец, к тому же бабушка и дедушка, тети и дяди со стороны матери больше балуют детей и меньше требуют от них. Все вместе это создает особую доверительную атмосферу в общении с родственниками по этой линии: можно сказать, что родство по отцу скрепляется через вертикальные генеалогические связи, а родство по матери — через горизонтальные. В следующем поколении эти отношения могут стать более близкими и даже формализованными через родственные браки, которые также часто заключаются именно с родственниками по материнской линии.

Третий тип родства — родственники жены или невестки. Часто, как я уже говорил, это изначально те же родственники по матери или даже по отцу, но после заключения брачного союза партнеры по этому родству, то есть семьи жениха и невесты, называются уже по-другому — *куда* и приобретают новое качество, которое подразумевает сумму всевозможных имущественных (обмен калымом и приданым) и ритуальных обязательств⁷². Особой линией в рамках этого типа родства являются отношения мужчин, женатых на родных сестрах, они даже имеют отдельное название — *божа*. Это родство основано на близости сестер и частых встречах на разного рода мероприятиях, а также на сходстве обязательств зятьев по отношению к родственникам жен.

Итак, как все эти схемы использовались в событиях 1947 года?

⁷² См. Очерк 9.

В предыдущем очерке я упоминал братьев Таирбаевых, с именами которых был связан скандал на выборах сельского старосты в 1892 году. Напомню их имена: Мирзаолим-аксакал, Гозыбай, Миролим, Долимбаи, Абдушоир, Мамашои, Мамарозык, они принадлежали к Кичкина-Уртамахалле. Пожалуй, самой колоритной фигурой из них был Гозыбай, богатый и активный человек, который до этого тоже успел побыть аксакалом в Ошобе⁷³. У Гозыбая было две жены — кашгарка, которую он привез из Кашгара (современный китайский Синьцзян), и ошобинка. От последней у него было семь сыновей, в их числе Умурзак, отец Ортыка Умурзакова. Коммунист Умурзаков был, таким образом, внуком одного из самых богатых и известных ошобинцев и, соответственно, членом большого и некогда влиятельного родственного коллектива⁷⁴. Давало ли это ему какие-то преимущества?

Как ни странно, но отцовская линия родства в рассказах об Умурзакове никак не проявляется. По-видимому, к 1920-м годам влиятельность потомков Таирбая сильно упала, косвенным подтверждением чему служит и тот факт, что они почти никак не упоминаются в связи с Рахманкулом. разве что дочь другого сына Гозыбая, Махсуда, была замужем за Дадамагом Турсуновым, который воевал с Рахманкулом и играл важную роль в установлении в Ошобе советской власти в начале 1920-х годов⁷⁵. Сыграл ли этот Дадамат какую-то роль в судьбе Умурзакова, который приходился двоюродным братом его жене, мне не известно. Могу лишь упомянуть, что именно он 9 августа 1947 года на заседании сельсовета (которым руководил «засидания райси» Согинбай Худайбердыев) в присутствии председателя районного исполкома заменил Умурзакова на должности аксакала⁷⁶. Такая замена скорее всего указывала на желание власти поставить на должность проверенного человека (к тому же таджика), который хорошо знал бы Ошобу, но в то же время не был бы излишне вовлечен в местные распри.

Правда, к этому надо добавить, что отец Ортыка Умурзакова, как уже отмечалось, рано умер и мать вышла замуж за другого человека —

⁷³ См. Очерк 3.

⁷⁴ Круг ближайших родственников называется *уруг*, реже *авлод* и еще реже *хейш*.

⁷⁵ См. Очерк 2.

⁷⁶ ФГАСО РТ, ф. 191, оп. 1, д. 139. Л. 41.

Мавлона Далиева. Тот факт, что он был отчимом аксакала, превращал его самого в значимую персону — он занимал какое-то время должность бригадира в колхозе «НКВД» (там же табельщиком и потом бригадиром работал племянник Мавлона). Некоторые мои собеседники приписывали ему — как старшему — более существенную роль и видели в нем чуть ли не тайного советника, который принимал основные решения и направлял действия своего пасынка. Такое восприятие соответствовало сложившейся практике, когда влиятельные лица, оставаясь в тени, назначали на ту или иную публичную должность своего сына или младшего брата⁷⁷.

В оценке роли Мавлона Далиева при Умурзакове согласия у ошобинцев не было, зато такое согласие сложилось в отношении ряда других фигур. Речь идет о нескольких братьях матери Умурзакова, которые занимали разные должности в колхозах и, по воспоминаниям, были очень влиятельными людьми. Они принадлежали к Катта-Кутон-махалле.

Прежде всего называют Тоштемира Нурматова, занимавшего долгое время должность первого зампреда (мавуи) в колхозе «Буденный». В документе за 1928 год упоминается, что Тоштемир (которому тогда было 37 лет) работал в Ошобе мирабом, был дехканином, чайрикером (*чайракор*), то есть брал землю в аренду, своего поливного хозяйства не имел, был неграмотным и с 1924 года состоял членом Союза Кошчи⁷⁸. После Отечественной войны Тоштемир считался зажиточным для своего времени человеком, имел 50—60 коз и две коровы. Именно у Тоштемира в доме принимали гостей, которые приезжали в Ошобу к Умурзакову⁷⁹. По словам К.Х., который был противником Умурзакова, Тоштемир фактически руководил всеми председателями колхозов и бригадирами (любопытно, что жена Тоштемира была из Катта-Кутон-махалли и принадлежала к тому же роду, что и К.Х., — их деды по мужской линии были родными братьями).

⁷⁷ См. Очерк 3.

⁷⁸ См.: ГАСО РТ, ф. 383, оп. 1, д. 117. Л. 6, 6 об.

⁷⁹ По словам самого Умурзакова, он жил до совершеннолетия в доме Тоштемира, у которого своих детей не было. В Ошобе существует практика, когда бездетные супруги берут на воспитание ребенка у своих родственников — в этом случае первые обязаны выполнить все родительские обязательства, в том числе передать свое имущество по наследству.

У Тоштемира были братья — Абдахат, Хасан и Хошим, они работали при Умурзакове бригадирами и занимали другие должности. Долгое время секретарем при Умурзакове был Сотволды Джурсев, бывший учитель и двоюродный брат (*тогавачча*, то есть сын дяди по матери) Нурматовых. Одна из сестер Нурматовых была замужем за Турсун-ходжой, сыном Ишанхан-ишана, после гибели мужа от рук Рахманкула вдова вышла замуж за муллу Ахмада (который был сыном муллы Бадалбая)⁸⁰. Мужем другой сестры был Одинамат, который благодаря Умурзакову занял должность амбарщика в колхозе «Социализм». Большое количество близких родственников, находящихся при власти, вызывало у многих ошобинцев неодобрение и скрытый протест. Даже те, кто положительно оценивает деятельность Умурзакова, указывали мне, что братьев Нурматовых не любили и они явно злоупотребляли своим положением.

К числу родственников по женской линии принадлежал и Давлат Искандаров, мать которого была сестрой матери Тоштемира Нурматова, то есть Давлат и Тоштемир были двоюродными братьями (*холавачча*). Давлат (примерно 1903 г.р.) в молодости был чайханщиком, а с конца 1930-х годов на протяжении многих лет работал председателем колхоза «НКВД». У него было несколько братьев: Кадыр (1899 г.р.) был одно время секретарем в сельском совете при Умурзакове, но за потерю денег, собранных с населения, его осудили, и вместо заключения он ушел на фронт; Абдуджаббар работал учителем, но в результате ссоры с Умурзаковым вынужден был уехать из Ошобы в Коканд; Эргаш (1899 г.р.) — брат по отцу — работал нонвоем в Ташкенте, в 1944 году вернулся в кишлак и трудился в колхозе. В конфликте аксакала с председателем колхоза «НКВД» братья были полностью на стороне Давлата. Они самым активным образом включились в кампанию против Умурзакова. Абдуджаббар, используя свои связи, сумел убедить других учителей, которые были недовольны аксакалом, помочь грамотно составить досье его преступлений. Эргаш, простой колхозник, принимал активное участие в расследовании, помогал выбирать свидетелей и допрашивать их.

Искандаровы, как и Умурзаков, имели заметные генеалогические связи. Абдуджаббар был женат на дочери бывшего аксакала Одины Дав-

⁸⁰ См. Очерк 3.

ранова, Эргаш же — на дочери другого прежнего аксакала, Мирхолдора, племянника Одинамата Исаматова⁸¹. Искандаровы были в довольно близком родстве с Рахманкулом: их сестра была замужем за бригадиром в колхозе «Буденный» Джурой Султановым, чья сестра была женой знаменитого курбаши. Правда, в своем рассказе один из младших Искандаровых об этом факте не вспомнил, указав, напротив, что их отец Искандар погиб от рук басмачей. Как и Нурматовы, братья Искандаровы принадлежали к Катта-Кутон-махалле.

Хочу обратить внимание на то, что рассказчики часто указывали мне на родство всех перечисленных лиц между собой, но умалчивали об их родственной связи с известными персонами прошлого. Ни Гозыбай, ни Одина-аксакал, ни Рахманкул не появлялись в их устных историях для того, чтобы объяснить, кто такой Умурзаков или Искандаров и почему они конфликтуют между собой. Однако подобное умолчание не означает, что все эти обстоятельства биографий и генеалогий не играли никакой роли. Все прекрасно знали происхождение друг друга и учитывали его в своих взаимоотношениях. Право Умурзакова или Искандарова занимать ведущие должности и бороться за престижные атрибуты власти подкреплялось всей прежней практикой, когда дети со временем занимали те позиции, которые когда-то занимали их отцы и деды. Молчание в данном случае говорит о том, что такого рода практики принимались как сами собой разумеющиеся и не требовали обсуждения.

Еще одна линия родства, которая упомянута в истории, — это мужья сестер Ортыка Умурзакова, то есть *почча*. К их числу относился Согинбай Худайбердыев, председатель колхоза «Социализм», который стал одним из зачинщиков конфликта между Умурзаковым и Давлатом Искандаровым. Его старший брат, Аллаберды (1909 г.р.), был какое-то время секретарем в сельсовете Ошоба, потом переселился с другими братьями в колхоз «22-я годовщина». Родство двух семей было закреплено еще раз, когда сын Согинбая женился на дочери Хошимбая Нурматова. Братья Худайбердыевы были близкими родственниками по отцовской линии Козибаю Гоивову, первому раису «Буденного».

⁸¹ См. Очерк 3.

Наконец, отдельная тема — жены Ортыка Умурзакова, хотя она скорее связана с символами власти, чем с практической локальной политикой. Вспоминают, что умевший себя эффектно подать Умурзаков на белом в яблоках коне выглядел очень красиво и имел успех у девушек. Предания также гласят, что девушки, когда он был на улице, из дома не выходили — боялись попасться ему на глаза. Любвеобильность аксакала была одновременно и демонстрацией мужественности, а значит, вполне обоснованных претензий на власть, и рискованным покушением на социальные нормы в обществе, которое легитимным считало брачный союз только в виде своеобразной сделки между семьями и родственными группами — отношения мужчины и женщины, сложившиеся за рамками такой сделки, рассматривались как нарушение морали, религии и справедливости.

Обычная местная практика, которая не стала обязательной нормой, но приобрела характер желательного образца поведения, требует, чтобы разведенный мужчина второй и тем более третий раз женился на разведенной же женщине или вдове. В Ошобе, где 1920—1940-е годы были крайне тяжелыми и сопровождались большой смертностью, я слышал много такого рода историй. В этом случае повторный брак выполнял важные для общества социальные функции (новый муж брал на себя обеспечение вдовы и нередко ее детей) и считался вполне приемлемым. При этом такой брак уже не носил характера сделки между семьями и родственными группами — свадьба проводилась скромно, обмен дарами, включая калым и приданое, был сведен к минимуму. Однако поведение Умурзакова в этом смысле являлось исключением. У него было четыре жены, каждая из которых, вступая с ним в брак, выходила замуж в первый раз. Очевидно, это было знаком особого статуса аксакала, его способности навязывать свою волю и менять общепринятые правила.

О первых трех женах Умурзакова трудно сказать что-то определенное, в воспоминаниях ошобинцев не фиксируются какие-то факты, связанные с его женитьбой на этих женщинах. Первая жена Умурзакова — Саппарджан, дочь Д.М., принадлежавшего к той же Кичкина-Урта-махалле, к которой относилась отцовская линия родственников Умурзакова. От этого брака осталась дочь. После развода с Саппарджан он женился на

Угылхон⁸², дочери некоего Назармата, чей участок в Ошобе позже сыграл роковую роль в судьбе Умурзакова. От этого брака остался сын. Третьей законной женой ошобинского лидера была Турдиджан, родом из Гудаса, в этом браке родилась дочь, которая потом вышла замуж за сына Хошима Нурматова. После развода Саппарджан и Угылхон снова вышли замуж.

Четвертой и последней женой Умурзакова была Янишой, от которой у него было несколько сыновей. Этот брак был, пожалуй, самым политическим из всех. Янишой являлась дочерью (или, как утверждают другие информаторы, племянницей) Одина-аксакала Давранова и принадлежала к большой родственной группе, к которой относился, например, Юсуп Юлдашев, председатель колхоза «22-я годовщина». Одина-аксакал, в свою очередь, был в родстве с Рахманкулом, на чьей сестре он был женат. И хотя бывшего сельского старосту объявили кулаком в начале 1930-х и выслали, родство с его дочерью, безусловно, имело для Умурзакова стратегический характер, а не было просто очередным увлечением. Кстати, поскольку сестра Янишой была замужем за Абдуджаббаром Искандаровым, то последний и Умурзаков считались друг другу *божа*, что, впрочем, не помешало разгоревшемуся конфликту.

Замечу еще, что политика в Ошобе вовсе не строилась исключительно вокруг близких родственных связей Ортыка Умурзакова. Каждый, кто оказывался на той или иной должности, выстраивал собственную родственную сеть поддержки или опирался на уже существующие сети. Например, у Бободжана Юлдашева, райса «Буденного», в такую сеть входили родные братья: Азим (1907 г.р.), который во время войны работал в Сарыкамыше и даже, кажется, был председателем сельсовета в селении Гоч, потом вернулся в Ошобу и стал райсом колхоза «Социализм», а также Хоким, работавший на дизеле на небольшой ошобинской ГЭС. Юлдашевы принадлежали к Катта-Урта-махалле. Их сестра в начале 1920-х годов вышла замуж за одного пангазца, который воевал против Рахманкула. Она одной из первых сняла с себя паранджу и работала в Шайдане в женском районном совете.

⁸² Это имя означает «сын», то есть родители, давая ей такое имя при рождении, выражали пожелание, чтобы следующим у них родился сын.

Конфликт

В июле 1947 года в русскоязычной газете «Стахановец» (будущая «Ленинабадская правда»), которая была «органом» Ленинабадского обкома и горкома ВКП(б), а также областного и городского Советов депутатов трудящихся, появились целых две заметки про успешную деятельность Умурзакова.

Первая, небольшая заметка от 2 июля, называлась «Начали подготовку к новому учебному году»⁸³. В ней целый абзац был посвящен Ошобе:

Колхозники Ашабинского кишлачного Совета взялись отремонтировать школу-семилетку на колхозные средства. Для ремонта заготовлен необходимый материал: кирпич, доски, бревна. Активное участие в организации ремонта школы принимает председатель кишлачного Совета тов. Умурзаков.

Так, к сожалению, обстоит дело не во всех кишлачных Советах...

18 июля появилась целая статья «Возрожденное село»⁸⁴:

Жители села Ошоба, Аштского района, имеют свою замечательную историю возрождения. До 1922 года здесь был очаг басмачества, население подвергалось непрерывным набегам, разорению и насилию со стороны известного басмача-изверга под именем Рахманкул, в результате чего село Ошоба превратилось в развалины. Только с приходом советской власти окончательно были разгромлены банды басмачества и село Ошоба твердо встало на рельсы социалистического строительства.

Трудолюбивые дехкане много поработали над его восстановлением. За годы сталинских пятилеток Ошоба превратилась в большое, культурное колхозное село. Теперь здесь имеется 4 колхоза. Сельскохозяйственные артели «НКВД», «Социализм» и им. Буденного, засеяв 546 гек-

⁸³ *Мамаджанов Б.* Начали подготовку к новому учебному году // Стахановец. 1947. 2 июля.

⁸⁴ *Азизов Д.* Возрожденное село // Стахановец. 1947. 18 июля.

таров хлебными злаками и другими культурами, в этом году вырастили обильный урожай хлеба, овощей и фруктов. Колхозы уже приступили к уборке и сдаче хлеба государству. По кишлачному совету принято обязательство собрать в среднем по 16 центнеров хлеба с каждого гектара. Колхозники перевыполняют эту норму. Так, колхоз им. Буденного сдает по 17 центнеров с гектара. Бригада т. Нурматова, этого же колхоза, дала обязательство собрать с каждого гектара по 20 центнеров, звено т. Юлдашева — по 22 центнера и т.д. Сельскохозяйственная артель им. 22-й годовщины Октября — хлопкосеющая. Она уже закончила пятое кетменевание и культивацию хлопчатника и приступила к четвертому поливу всей площади в 120 гектаров.

Колхозники Ошобинского кишлачного совета энергично борются за развитие животноводства, шелководства, садоводства и птицеводства. Число овец и коз в этом году достигло 15483 головы, крупного рогатого скота — 402, лошадей — 167 и ослов — 429. Хорошо обстоит дело с разведением кур. Сейчас здесь имеется около 700 кур, а в конце года их будет в два раза больше. Перевыполнил кишлачный совет все виды госпоставок. Только одного мяса сдано в счет поставок 1948 года более 700 килограммов.

Намного выросло село и в культурном отношении. Только за последние два года здесь построено 594 новых жилых дома, электростанция мощностью в 20 киловатт. Сейчас почти в каждом доме горит лампочка «Ильича», 135 хозяйств радиофицированы. Колхозники получают 232 экземпляра республиканских, областных и районной газет. Имеется две начальных и неполная средняя школа, в которых обучается 529 детей. Построено новое здание сельсовета и клуб на 1500 мест. При сельсовете имеется хорошо оборудованный здравпункт в Доме медресистов. В колхозе им. Буденного на площади в 0,25 гектара, окаймленной декоративными деревьями, построено две красных чайханы⁸⁵, одна из них предназначена специально для стариков. Организованный музыкальный кружок систематически обслуживает посетителей чайхан.

В кишлачном совете имеется артель «Труд», которая занимается поделкой ковров кустарным способом. В мае месяце артель изготовила 56 ковров вместо 40 по плану, в июне — 55 вместо 35. Члены

⁸⁵ Имеется в виду, видимо, Чинар-бува.

артели взяли на себя обязательство — выполнить годовую программу к 30-й годовщине Великого Октября и до конца года выпустить 60 ковров сверх плана.

Казалось, это был публичный бенефис председателя сельского совета, перечисление и признание его заслуг и успехов. Умурзаков умел подать себя с выгодной стороны: подготовленные им отчеты, которые я видел в архивах, даже сейчас удивляют своим уверенным идеологическим слогом, обилием статистики, даже аккуратным почерком⁸⁶.

Однако, по-видимому, публикации в «Стахановце» были всего лишь попыткой Умурзакова защититься от начавшегося против него уголовного расследования. Это была своего рода пиар-акция, обращение к власти через газету, желание напомнить, что председатель сельсовета не только имеет заслуги в прошлом, но и может еще сослужить ей службу в будущем. Показательно, что лишь вскользь упомянут колхоз «НКВД», которым руководил Искандаров. Отсутствие же во второй статье имени самого Умурзакова и упоминание одного из братьев Нурматовых — свидетельство того, что аксакал был осторожен, не тянул одеяло на себя и не собирался сдавать своих соратников, а пытался защитить всю ту конструкцию управления, которую он создал в Ошобе. Впрочем, попытка оказалась неудачной. Уже через три недели после публикации «Возрожденное село» Умурзаков был официально снят с должности, а до этого взят под стражу. Еще через месяц он уже именовался не героем, а врагом колхозного строя. Его карьера была закончена⁸⁷.

12 сентября 1947 года секретарь Ленинабадского обкома Буланов, выступая с докладом на 25-м пленуме обкома, говорил⁸⁸:

⁸⁶ См., например: ФГАСО РТ, ф. 117, оп. 1, д. 26. Протоколы кишлачных советов Аштского района за 1938 и 39 г. Л. 197—217.

⁸⁷ 17 августа в областной газете появилась небольшая заметка, в которой говорилось, что колхозы «Буденный» и «НКВД» первыми в районе завершили план хлебозаготовок и стали сдавать зерно в счет поставок следующего года (Стахановец. 1947. 17 августа). Сложно сказать, было ли это продолжением попыток помочь Умурзакову. Примечательно, что сельсовет был по ошибке назван Нишанбинским, что является примером неосведомленности журналистов об отдаленных кишлаках.

⁸⁸ Стахановец. 1947. 12 сентября.

Терпимость к нарушителям колхозного Устава, благодушие и беспечность со стороны отдельных парторганизаций дают возможность действовать кое-где врагам колхозного строя. Так, в Аштском районе некто Умурзаков, работавший председателем Ашабинского сельсовета, продолжительное время безнаказанно обирал колхозы и обогащался за их счет. Умурзаков арестован и понесет заслуженное наказание. Но факт, что руководство Аштского района, имея сигналы, все же не сумело разоблачить Умурзакова, проявило крайнюю близорукость и политическую беспечность. Этот случай должен послужить серьезным уроком для всех парторганизаций.

Надо поднять бдительность колхозников, создать нетерпимую обстановку для лиц, проявляющих вражескую деятельность по отношению к колхозам и расхищающих колхозную собственность.

Передовица в «Стахановце» от 19 сентября подтверждала партийный приговор⁸⁹:

Если бы бывший секретарь Аштского райкома т. Сангинов и нынешний — т. Назаров серьезно отнеслись к жалобам колхозников, глубже вникали в жизнь и быт артелей, они бы заметили и могли бы вовремя пресечь преступные действия распоясавшегося врага колхозного строя Умурзакова, который, используя служебное положение председателя сельсовета, расхищал колхозное имущество, обогащался и нагло администрировал. Умурзаков нанес серьезный урон деятельности колхозов сельсовета, и, к стыду руководителей района, этот уголовный преступник был разоблачен и арестован не по инициативе местных организаций, которые, кстати сказать, до сих пор не сделали для себя настоящих выводов из этого урока.

Итак, вопреки структурным возможностям и личным качествам Умурзакова, созданной им официальной и неофициальной сети поддержки и системы лояльностей, символическим и социальным механизмам

⁸⁹ Свято соблюдать сталинский Устав колхозной жизни // Стахановец. 1947. 19 сентября.

контроля, которые были в его руках, ошобинский аксакал в итоге все-таки оказался поверженным. Как можно объяснить этот факт?

Конфликт Ортук-аксакала и Давлат-раиса имел как минимум три измерения (вполне возможно, что были еще какие-то обстоятельства, которые не остались в памяти ошобинцев или которые мне не удалось уловить). Это был конфликт должностных лиц — председателя сельского совета и председателя колхоза — за перераспределение властных полномочий и контроль над ресурсами. Это был конфликт между родственниками, которые не поделили имущество, а точнее, не нашли баланса между разными родственными позициями. Можно говорить также о конфликте между местными властными практиками, которые предполагали некоторую автономную, скрытую от контроля сферу отношений, и советскими практиками тотальной прозрачности и всеобъемлющего учета.

Баланс сил между председателем сельсовета и председателем колхоза, который сложился в 1930-е годы, отражал соотношение функций двух институтов. Преимущество аксакала заключалось в том, что у него было больше инструментов воздействия и сам он был гораздо более идеологической фигурой, тогда как председатель колхоза выглядел скорее как его технический помощник, похожий на прежнего пятидесятника-эликбаши. Во второй половине 1940-х годов ситуация изменилась. Интерес советской власти к фигуре председателя сельского совета упал. Функция категоризации перестала быть исключительной монополией сельсовета, появилось множество различных институтов и ведомств, которые контролировали этот процесс и вели собственный учет. Функция сбора налогов, как я упоминал, с 1939 года была передана районным финансовым органам, и хотя Умурзаков держал, особенно во время войны, эту процедуру под своим контролем, по мере формализации отчетности, привыкания людей к новым правилам и улучшения подготовки финансовых агентов влияние аксакала неизбежно уменьшалось. Полномочия по сбору налогов, которые в 1930-е годы давали аксакалу рычаг давления на жителей Ошобы, в 1940-е все больше становились рутинной процедурой.

Власть же председателя колхоза постепенно росла. Областные и районные чиновники — партийные, хозяйственные, финансовые — все чаще предпочитали иметь дело непосредственно с ним и напрямую

контролировать экономику. К тому же интерес власти с вопроса о налогах переместился на вопрос о развитии хлопководства, что делало посредническую функцию председателя сельсовета лишней. Сыграл свою роль и тот факт, что за почти десять лет, в течение которых райсы «НКВД» и «Буденного» оставались на своих должностях, они сами сумели наладить собственные контакты с вышестоящими органами управления и создать в Ошобе и за ее пределами собственную сеть поддержки и лояльности. Хотя мое внимание сосредоточено на фигуре Умурзакова, все участники тех событий преследовали свои цели, имели свои ресурсы, свои стратегии, поэтому конфликты внутри этих сетей солидарности были неизбежны. Получается, что Умурзаков, который вначале, усиливая свое положение, содействовал председателям колхозов в укреплении их позиций, в результате сам же и вырос в кругу, который считал своим, потенциальных соперников.

Такого рода структурные изменения дали о себе знать сразу же вслед за снятием и арестом Умурзакова. После 1947 года фигура председателя сельсовета, хотя и оставалась номенклатурной, стала быстро терять свою прежнюю значимость — аксакалы часто менялись и не оказывали никакого влияния на жизнь в кишлаке. Фигура же председателя колхоза превращалась в ключевую, что стало особенно очевидно в 1951 году, когда было принято решение об укрупнении коллективных хозяйств и три ошобинских колхоза («Буденный», «НКВД» и «Социализм») превратились в один — колхоз «Калинин», раис которого стал обладателем огромной власти⁹⁰.

В поле родственных отношений тоже накапливались противоречия. Неформальные горизонтальные связи по материнской линии оказались для Умурзакова наиболее удобным механизмом выстраивания всей конструкции власти в Ошобе. Альянс с родственниками по матери (Нурматовыми и Искандаровыми) был взаимовыгодным — его члены занимали официальные позиции и могли поддерживать друг друга, скрепляя разные должности и функции в устойчивую социальную сеть. При этом не совсем ясно, играл ли Умурзаков действительно первую скрипку в этой сети или его родственники, более старшие по возрасту и более опытные, были реальными теневыми руководителями.

⁹⁰ См. Очерк 5.

И все-таки вовлечение большого количества родственников в свою сеть поддержки, раздача им колхозных должностей и предоставление возможности накапливать свои ресурсы и создавать свои сети поддержки в конце концов привели к перекосу в этой конструкции. Умурзакову было все сложнее поддерживать равновесие сил между ними и сохранять со всеми ровные отношения. Местное предание гласит, что один родственник Умурзакова, Согинбай Худайбердыев (он занимал сначала должность директора школы, а потом райса «Социализма»), захотел купить участок с домом в Ошобе, но этому воспротивился председатель «НКВД» Давлат Искандаров, другой родственник Умурзакова. Умурзаков встал на сторону Согинбая, используя, видимо, и то обстоятельство, что спорная земля принадлежала Назармату, который был отцом одной из бывших жен Умурзакова.

Любопытно, что, вспоминая об этом споре, все ошобинцы в один голос указывают на его внутриродственный, а не политический характер. На мой вопрос: «Почему Умурзаков поддержал Согинбая в его споре с Давлат-райсом из-за участка — они же все родственники?» — кто-то ответил, что муж сестры Умурзакова считается более близким родственником, чем двоюродный брат матери. Но для Тоштемира Нурматова Умурзаков был племянником, а Искандаров — двоюродным братом по матери, а и те и другие — одинаково близкие родственники (кроме того, напомню, что Умурзаков и один из Искандаровых были мужьями родных сестер). Тем не менее Искандаровы преследовали также и братьев Нурматовых, в результате чего те потеряли свои должности и кто-то из них даже был осужден.

Мы видим, следовательно, что происходит конфликт разных линий родства и переопределение близости внутри родственного круга. Одни родственные связи (*холавачча*) интерпретируются как менее значимые, другие (*поччо*) — как более значимые, третьи (*божа*) и вовсе игнорируются. Во-первых, это переопределение зависит от конфигурации экономических и политических интересов в данном конфликте: возникшие противоречия интерпретируются как результат дальнего родства и, напротив, союзнические связи — как результат близкого родства. Во-вторых, переопределение родственной близости имеет более длительную и фундаментальную логику — преимущество получают те родственные

линии, которые возникли в результате договоренностей (выдача сестры замуж была уже способом заключения союза), а не те, которые унаследованы от предыдущих поколений, даже если это более неформальное родство по материнской линии.

Наконец, важным фактором смещения Умурзакова был его конфликт с учителями. Он стал аксакалом, получив в свои руки все идеологические и социальные ресурсы, которыми обладал учительский класс. В 1930-е и 1940-е годы (в 1950-е ситуация стала меняться) позиция учителя была необходимой ступенькой в такой карьере, более того, позиция учителя уже сама по себе предполагала стремление человека двигаться дальше во властные иерархии. В этом и состоял источник напряжения. К концу 1930-х годов в Ошобе сложилась уже довольно большая группа учителей с амбициями, тогда как государственных должностей было немного — поэтому неизбежно возникала конкуренция за обладание ими. Конкретные поводы для конфликта в каждом случае были свои, но те, с кем я разговаривал, в один голос жаловались на диктаторский и противозаконный стиль умурзаковского руководства, его желание подчинить себе людей, раздать должности своим родственникам, а также убрать всех потенциальных конкурентов, которые могли бы составить ему в Ошобе оппозицию. Сторонники же Умурзакова настаивали на том, что это учителя своими анонимками разжигали страсти и аксакал вынужден был выгонять их из кишлака, применяя административную власть. Умурзаков действительно использовал в данной ситуации административные рычаги, но это привело только к тому, что оппозиционная группа учителей сплотилась и задействовала все свои связи и знания, чтобы свалить аксакала.

Успешная в итоге тактика учителей включала в себя два инструмента: первый — апелляция к идеологии и официальным правилам, второй — опора на широкую социальную сеть, выходящую за рамки Ошобы и включающую в себя профессиональные связи, которые превращались в канал лоббизма в государственных и политических институтах.

Противники переиграли Умурзакова на его же поле. Ортык Умурзаков был не просто очередным аксакалом — созданная им система личной власти опиралась в числе прочего на новые механизмы советской легитимности и советской категоризации. Умурзаков через свою личную

власть внедрял эту легитимность и эту категоризацию в ткань ошобинского общества, делая последнее более прозрачным для наблюдения и контроля. Но чтобы заручиться поддержкой, Умурзаков вынужден был оставлять некоторые сферы жизни Ошобы теневыми, скрытыми для внешнего контроля — это была та часть местных договоренностей, которая позволяла выполнять остальные обязательства перед государством. И теперь именно это недостаточное, неполное открытие было поставлено ему в вину.

Одним из главных обвинений против председателя сельсовета стало отсутствие строгого учета скота и земли (и укрывательство налогов). Учителя, хорошо знакомые с риторикой обличения врагов народа, отправились в горы и насчитали там, как говорят, 2000 нигде не учтенных овец и коз, 80 лошадей, 270 коров и 57 га сада⁹¹. Несмотря на то что этот скот и земли принадлежали всем ошобинцам, они были записаны в ходе расследования как сокрытое имущество самого Умурзакова — так вспоминают очевидцы.

В этой истории интересно не количество неучтенного имущества, хотя оно говорит о масштабах экономики, которая находилась вне государственного регулирования. В ней интересны методы, которыми это имущество было обнаружено. Собственно говоря, все местные жители, не только ошобинцы, об этом имуществе всегда знали, не могли не знать, потому что оно было частью имущественных сделок, ритуальных обменов, регулярных перемещений и так далее. Все это было повседневной жизнью и не вызывало у местных жителей вопросов о соблюдении законности. Сама мысль предъявить это имущество к учету и таким образом сформулировать обвинение была идеей человека, хорошо знающего советские законы и порядки, ориентирующегося в советской риторике и умеющего видеть «непрозрачные» для власти сферы жизни. «Обнаружение» состояло не только и не столько в том, что были найдены какие-то тайные укромные места, где это имущество пряталось. «Обнаружение» заключалось в соблюдении определенной процедуры расследования, которая включала составление описи и заполнение

⁹¹ Аналогичные проверки проводились и позже. Так, в 1950 году были выборочно исследованы 75 дворов в сельском совете и выявлены неучтенные 11 голов крупного рогатого скота, 693 овцы и козы, 3 лошади (ФГАСО РТ, ф. 132, оп. 1, д. 38. Л. 4).

протоколов, то есть знание бюрократических правил и, возможно, русского языка. Учителя были идеальными инициаторами и помощниками следствия, потому что они, с одной стороны, были знакомы с советским языком поиска врагов, а с другой — могли использовать свои локальные знания для сбора конкретной информации.

Второй инструмент, который позволил добиться свержения аксакала, — привлечение к расследованию влиятельных чиновников извне. Как я говорил, Умурзаков сумел создать очень разветвленную и влиятельную сеть поддержки не только внутри Ошобы, но и за ее пределами. Чтобы преодолеть сопротивление этой сети, нужно было заручиться помощью по крайней мере не менее влиятельного круга лиц, к ней не принадлежавших. Кто и каким образом нашел этих лиц — такие подробности мне не известны. Известно лишь, что они были найдены (вспомним слова из «Ленинабадской правды» о стыде за то, что разоблачение и арест Умурзакова произошли «не по инициативе местных организаций»): это были некие чиновники из Узбекистана (кто-то вспоминал об «армянин-юристе»)⁹², обратить внимание которых на ситуацию в Ошобе помогли учителя, имевшие широкий круг знакомств.

Подытоживая ответ на вопрос, почему ошобинский «маленький Сталин» в итоге проиграл, я сформулирую несколько выводов.

Во-первых, само поле власти, в котором действовал Умурзаков, менялось в силу разных причин: появлялись новые внешние факторы и новые ресурсы, значение старых ресурсов и прежних связей ослабевало, накапливались негативные последствия каких-то прежних решений и событий. Авторитарные качества Умурзакова были выгодны в предвоенные годы и во время войны, когда советская власть стремилась усилить свой контроль за обществом и любой ценой мобилизовать как можно больше человеческих и материальных ресурсов. Но после войны выгоды такой местной диктатуры стали неочевидными, теперь вышестоящие чиновники засомневались в контролируемости уже само-

⁹² Мне не очень ясно, на каком основании узбекские чиновники могли вмешаться в юрисдикцию соседней союзной республики, но это было, судя по всему, в принципе возможно, поскольку Ташкент на протяжении всего советского времени оставался неформальной столицей всего региона, здесь находились представительства союзных органов власти и сюда обращались за квалифицированными консультациями и помощью.

го Умурзакова. К такому сомнению их подталкивала и большая группа своеобразной ошобинской оппозиции — людей, которые были так или иначе недовольны аксакалом. Во время войны сформировалась новая элита (офицерское звание получил Т.К., орденосцем с фронта вернулся Эгамберды Ходжамбердыев), которая имела за плечами новый опыт, новые символические ресурсы, новые амбиции. Это не означает, что эти люди тут же оказались в конфликте с Умурзаковым, но они стали той группой, которая даже своим нейтралитетом могла влиять на соотношение сил в Ошобе.

Во-вторых, Умурзаков сам не оставался «неизменной величиной» во всех этих событиях, он слишком уверовал в свою силу, стал неосторожным, допустил какие-то промахи, может быть, перестал опознавать правила игры, устал, может быть, его мастерства уже не хватало в новых обстоятельствах. К тому же наличие в поле местной власти множества разных игроков, о чем я подробно писал, со своими собственными возможностями и интересами, делало баланс сил постоянно неустойчивым, неопределенным. Умурзакову приходилось прикладывать много усилий, чтобы поддерживать разного рода дружественные союзы, опираясь на которые он сохранял свои собственные позиции. Ошибки в тактике, перекосы в пользу одних интересов в ущерб другим, неспособность отреагировать на все возможные угрозы — все это подрывало положение аксакала.

Наконец, в-третьих, аксакал Ортык Умурзаков проиграл именно потому, что собственными силами и в собственных интересах выстраивал в ошобинском обществе новые властные практики, основанные на контроле за социальными и экономическими категоризациями. Он действительно создавал новое общество, прозрачное для внешнего взгляда и доступное для манипуляций, что и стало условием его собственного поражения в конфликте с Давлатом Искандаровым и учителями.

В заключение замечу, что, потерпев поражение, Умурзаков не сразу выбыл из игры. В 1948 году в результате новой ревизии, проведенной сторонниками бывшего аксакала, были доказаны с помощью тех же приемов реальные или мнимые преступления Давлата Искандарова и он тоже был посажен в тюрьму. Умурзаков, по воспоминаниям, вернулся из мест заключения в 1953 году «очень боевым». Он работал мирабом

в Оппоне и однажды будто бы сказал: «Я буду поливать хлопок кровью людей, если надо». Еще какое-то время его продолжали побаиваться и с ним считались, но, не занимая никаких серьезных должностей, он постепенно терял связи и власть и в итоге стал обычным, незаметным жителем Ошобы, проходя мимо которого я поначалу даже не подозревал, что это *тот самый* Ортык Умурзаков. Типичная судьба «маленьких Сталиных»?

* * *

События 1947 года в Ошобе, если говорить о том, какие более общие тенденции они отражают, трудно оценить по какой-то простой шкале. Можно ли их интерпретировать, например, как неудачу, которую потерпела советская власть, пытавшаяся утвердить в Средней Азии свои порядки и свою идеологию? Или же, напротив, разоблачение «культы личности» в отдельно взятом кишлаке (а затем и в СССР в целом) говорит о существенных трансформациях, произошедших в обществе? Нужно ли следовать за упомянутой мной в начале очерка позицией Линн Виолы, то ли считая случай с Умурзаковым примером перерождения советских идеалов, то ли находя в перевороте, совершенном в Ошобе в отношении советского аксакала, признаки крестьянского сопротивления советскому колониализму? Или, может быть, лучше назвать изгнание Умурзакова восстанием новых, созданных в процессе советской модернизации групп против воплощенной в Умурзакове сталинской формы правления, которая как раз и носила архаичные черты? Подобные вопросы уже содержат в себе аналитические препятствия и ограничения, сводя многообразие процессов и взаимодействий к логике «или-или»: или советское государство с его попытками что-то поменять, или крестьянство, которое придерживается вековых традиций и сопротивляется изменениям.

Если говорить о теоретических моделях, противопоставляющих государство и крестьянство, то нельзя не упомянуть весьма популярную книгу американского политолога Джеймса Скотта «Оружие слабых: Повседневные формы крестьянского сопротивления»⁹³. Эта работа

⁹³ *Scott J. Weapons of the Weak: Everyday Forms of Peasant Resistance*. New Haven and London: Yale University Press, 1985. Идеи этой книги были позже обобщены в другой

была написана на основе материалов, собранных во время исследования в небольшой малайской деревне. Скотт следует марксистской доктрине и изучает классовую борьбу внутри деревни между бедными и богатыми. Его занимает вопрос, популярный в 1970-е годы: почему экономическое неравенство само по себе не приводит к обострению классового конфликта? И в принципе он дает тривиальный ответ: потому что существует культурная надстройка — общие привычки, обычаи, формы взаимопомощи, родственные и соседские связи и многое другое, — которая, особенно на ранних стадиях развития капитализма, мешает сформироваться классовому сознанию. Однако Скотт спорит с теми, кто вслед за Антонио Грамши понимает эту надстройку как идеологический аппарат господствующего класса, который своей гегемонией не оставляет низшим классам никакой возможности для сопротивления. Бедные крестьяне, утверждает исследователь, имеют свою автономную культуру, имеют голос, могут бороться с помощью повседневных форм сопротивления, могут даже добиваться результатов в этой борьбе, могут навязывать богатым свои представления о долге, правильном поведении, общине, равенстве, а сами эти представления тоже являются формой сопротивления.

В этом и состоит суть метафоры «оружие слабых»: «Для меня важнее было понять, что именно мы можем считать повседневными формами крестьянского сопротивления — прозаичной, но постоянной борьбы между крестьянством и теми, кто пытается изымать у него продукты труда, налоги, ренту и иные блага. Большая часть таких форм весьма похожа на коллективное неповиновение. Здесь я имею в виду типичные инструменты, применяемые теми, кто лишен власти: затягивание трудового процесса, беспричинный уход с работы, неисполнение указаний начальства, мелкое воровство, намеренное неиспользование имеющихся навыков, клевету, саботаж и тому подобное. Все эти формы классовой борьбы, отличавшие героев Брехта или бравого солдата Швейка, имеют определенные общие черты. Обращение к ним почти или вовсе не требует предварительной подготовки и координации;

работе Скотта: *Scott J. Domination and the Arts of Resistance: Hidden Transcripts*. New Haven and London: Yale University Press, 1990.

они опираются на молчаливое взаимопонимание и неформальные сети; нередко за ними стоит индивидуальное приспособленчество; их участники избегают прямой, символической конфронтации с властями»⁹⁴. Цель такого рутинного сопротивления — не отменить или изменить систему доминирования, а выжить — сегодня, на этой неделе, в этом году — внутри этой системы.

Дилемма «гегемония или сопротивление» в модели Скотта и в рассуждениях его многочисленных сторонников, изучающих советское общество, представляется мне слишком схематичной и бедной для описания и понимания происходивших, в частности, в Ошобе событий. Здесь существовало множество разных — пересекающихся и непересекающихся — уровней отношений власти, множество разных интересов и столкновений в борьбе за те или иные ресурсы, множество разных альянсов. В ошобинской истории, реконструируемой через архивные материалы и устные рассказы, смешались разные сюжеты — родство и знания, колхозы и школы, жены и басмачи. Воспоминания хотя и выстраивают прошлые события в какую-то логическую цепочку, но аргументируют ее и иллюстрируют примерами из очень разных отношений, референций и ценностей. Мы видим, что участники тех событий и те, кто их оценивает сейчас, говорят как бы на разных языках: кто-то апеллирует к родству и обмену женщинами, кто-то — к справедливости, кто-то — к материальным успехам. За этими аргументами стоят сложная игра и подвижные, множественные идентичности, незаметные переходы от одной логики к другой, когда трудно точно определить позицию человека, приписать его к какой-то однозначной роли и функции. Мы видим, таким образом, что определение и самоопределение советскости/несоветскости, «за» или «против» становятся неоднозначными, плохо уловимыми, зависящими от разнообразных контекстов, что не дает нам возможности прочертить четкую границу между автономной крестьянской культурой и государством.

Мы видим также, что сама советская власть и советская система в целом предстают как сложный баланс разных интересов и сил, институтов и символов, которые находятся иногда в противоречии друг с другом,

⁹⁴ *Scott J. Weapons of the Weak*. P. XVI (а также P. 29).

иногда в относительной гармонии. Этот баланс не остается неизменным и все время смещается, накапливаются новые символы, создаются новые институты, формируются новые интересы и социальные сети. Кроме того, мы отчетливо видим, что распределение властных должностей и ресурсов связано с локальными связями и вообще локальной политикой, хотя прямой корреляции нет и родственные связи мобилизуются частично, выборочно в зависимости от множества неструктурных факторов. В постоянной борьбе происходит непрерывная конвертация статусных позиций в группы поддержки (в том числе в родственные сети) и, наоборот, конвертация уже имеющихся сетевых ресурсов в статусные позиции. Эта борьба не всегда заканчивается успехом, а внутри сетей возникают свои конфликты и напряжения.

Наконец, мы видим, что властные практики, даже когда они используются в сугубо местной борьбе, приобретают со временем совершенно другой характер: достаточно, например, сравнить ошобинские события 1947 года с, казалось бы, похожими событиями 1892 года. И тогда конфликт строился вокруг предложенного империей подсчета голосов избирателей, но подсчитывали их исходя из местных представлений о том, что должно быть объектом учета и внимания. В советском же случае совокупность обвинений, предъявленных аксакалу, основывалась на целой таблице категорий, подлежащих рассмотрению и классификации, и на участии в обвинении аксакала многочисленных экспертов, способных ориентироваться в советских категориях. Эти и другие новые практики внутри Ошобы были бы невозможны без массивной интервенции со стороны государства с его обличающим языком, вездесущим взором и репрессивными инструментами. Возникал замкнутый круг: люди и сообщества все чаще использовали советские институты и символы для своих локальных целей, в том числе и для сопротивления власти, но власть тоже использовала локальные группы, чтобы превратить их борьбу между собой и сопротивление в источник очередного витка реформ и тем самым еще сильнее укрепить внешнее влияние на это сообщество.